

Полина
Дашкова

Салюки

Полина Дашкова – лучшая среди лучших

Полина Дашкова

Салюки

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дашкова П. В.

Салюки / П. В. Дашкова — «Издательство АСТ»,
2021 — (Полина Дашкова – лучшая среди лучших)

ISBN 978-5-17-135319-3

Я не знаю, где кончается придуманный сюжет и начинается жизнь. Вопрос этот для меня мучителен. Никогда не сумею на него ответить, но постоянно ищу ответ. Возможно, то и другое одинаково реально, просто кто-то живет внутри чужих навязанных сюжетов, а кто-то выдумывает свои собственные. Повести «Салюки» и «Теория вероятности» написаны по материалам уголовных дел. Имена персонажей изменены. Их поступки реальны. Их чувства, переживания, подробности личной жизни я, конечно, придумала. Документально-приключенческая повесть «Точка невозврата» представляет собой путевые заметки. Когда я писала трилогию «Источник счастья», мне пришлось погрузиться в таинственный мир исторических фальсификаций. Попытка отличить мифы от реальности обернулась фантастическим путешествием во времени. Все приведенные в ней документы подлинные. Тут я ничего не придумала. Я просто изменила угол зрения на общеизвестные события и факты. В сборник также вошли рассказы, эссе и стихи разных лет. Все они обо мне, о моей жизни. Впрочем, за достоверность не ручаюсь, поскольку не знаю, где кончается придуманный сюжет и начинается жизнь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135319-3

© Дашкова П. В., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Повести, рассказы, эссе	7
Точка невозврата	7
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Полина Дашкова

Салюки

© Дашкова П. В.

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Повести, рассказы, эссе

Точка невозврата

«Точка невозврата – в ядерной физике – тот момент реакции, когда уже невозможно вернуть ее в другую стадию и невозможно остановить. Секунда – и взрыв».
(Из энциклопедии)

Когда вышел второй том «Источника счастья», на встрече с читателями в книжном магазине ко мне подошла старушка и тихо, на ухо, спросила:

– Деточка, вас кошмары не мучают? Вожди не снятся?

Я ответила:

– Мучают. Снятся.

– И что вы делаете?

– Молюсь.

– Правильно. – Старушка кивнула и исчезла в толпе.

Вожди мне действительно снились, и сны с их участием были кошмарны. Не помню, кому из советских поэтов принадлежит строчка: «И я сегодня думаю о Ленине, как он когда-то думал обо мне». Вот примерно это со мной происходило на протяжении долгих лет жизни.

В детском саду висело и стояло по меньшей мере штук десять его изображений. Круглолицый ребенок, такой аккуратный и строгий, что невозможно представить, как «он тоже бегал в валенках по горке ледяной». Юноша в косоворотке, весь куда-то вдаль устремленный. Лысый дядька с бородкой, с маленькими недобрыми глазками. Кроме портретов были еще белый бюст в кабинете заведующей и статуя на клумбе во дворе, в тусклой серебрянке, с большой башкой и недоразвитыми ручонками, правая вытянута вперед, указывает направление к Рижскому вокзалу, левая спрятана в карман.

Вроде бы я знала его с младенчества, но наше первое знакомство состоялось, когда на детсадовском утреннике 7 ноября меня обязали громко произнести: мы внучата Ильича. Я подумала, что моим родным дедушкам, Леше и Васе, будет обидно, если я назову себя чьей-то чужой внучкой. Я очень любила своих дедушек, мне вовсе не хотелось их обижать. К тому же врать нехорошо. Но что-то заставило меня это сделать. Я послушно произнесла свою часть речевки, сначала на репетиции, потом на утреннике. Мне было стыдно. Я соврала, впервые в жизни. И ничего не произошло. Все хлопали в ладоши.

Вот так мы с ним познакомились. В память об этом знаменательном событии даже сохранилась фотография. Под огромным его портретом строй нарядных детей с шариками в руках. Все дети, как положено на праздничном утреннике, веселые, только я, третья слева, пришибленная всеобщим ликованием и собственным гнусным враньем, напряженная и озадаченная.

Да, он меня уже тогда озадачил. Мне захотелось узнать – кто он такой? Любопытство мое разгоралось еще больше оттого, что я чувствовала невозможность, немыслимость прямого вопроса: кто такой Владимир Ильич Ленин? Он повсюду: во дворах и на площадях, на деньгах и в газетах. О нем пели песни, показывали фильмы, писали книжки.

Я рано научилась читать. Меня многое интересовало, например дельфины, шаровая молния и космические «черные дыры». Я нашла кучу информации о них и читала с удовольствием. Ленин меня тоже интересовал, но читать, говорить и даже думать о нем было невозможно. Во-первых, нестерпимо скучно, во-вторых, всякий раз у меня возникало чувство подмены, надутельства. Я понимала – авторы врут, так же, как врала я на утреннике в детском саду, назы-

вая себя и других детей средней группы «внучатами Ильича». Да, они врут так же, но только значительно многословней и уверенней.

В десять лет я совершила преступление. У меня имелось оружие. Пластмассовая трубка, сделанная из корпуса шариковой ручки. Через нее удобно было плевать в цель комочками жеваной бумаги. В сообщники я выбрала Дрюню, моего лучшего друга. Мы дежурили после уроков, мыли пол в классе и заодно упражнялись в стрельбе. Мишенью стал портрет Ленина. Жеваная бумага не оставляла следов на стекле. Мы с Дрюней соревновались, у кого больше получится попаданий в кончик носа, в центр лба, в узел галстука. Мы так возбужденно спорили, что чуть не подрались. Наверное, наша энергичная возня вызвала сотрясение пола и стен, иначе как объяснить внезапный разрыв шнура и падение портрета на пол?

Стекло разбилось. Мы застыли у доски, я с веником, Дрюня со шваброй. Сквозь осколки глядели на нас снизу вверх маленькие сощуренные глазки. Что в них было? Обида? Упрек? Злорадство? Со страху мы могли вообразить что угодно. Он расскажет нашей классной и всему педсовету, как мы плевали ему в лицо жеваной бумагой. Или ночью сойдет с пьедестала мраморная статуя, украшающая школьный вестибюль, и явится к кому-нибудь из нас домой. Мы как раз недавно прочитали «Маленькие трагедии» Пушкина. А тут еще песня Александра Галича «Когда в городе гаснут праздники, когда грешники спят и праведники, государственные запасники покидают тихонько памятники».

Мы с Дрюней были детьми начитанными и впечатлительными. Песни запрещенного Галича звучали и в его, и в моем доме. Мы ясно представили себе, как мраморный вестибюльный Ленин с гордо поднятой головой, с вытянутой вперед и вниз правой рукой медленно зашагает по ночной улице Горького, и запертые двери его не остановят. Дрюня заявил дрожащим шепотом, что мой дом ближе, чем его. Это было малодушно и вовсе не по-мужски. Я ответила: зато я живу на девятом этаже, а ты на четвертом. Мы горячо заспорили, взлетит ли статуя в лифт или станет подниматься по лестнице. В этот момент вошла классная и спокойно заметила, что шнурок давно следовало поменять, портрет, дескать, держался на соплях и хорошо, что грохнулся не на чью-то голову.

Преступление осталось латентным. Осколки смели, над доской повесили новый портрет, на крепком шнурке. Статуя по сей день стоит в школьном вестибюле, ни ко мне, ни к Дрюне домой так и не явилась.

Наши квартиры были своего рода убежищем, личным пространством, малогабаритным, но свободным от Ленина. Ни портретов, ни бюстов, ни книг. Стоило выйти во внешний мир, и великий вождь в своих бесчисленных воплощениях сразу вставал на пути.

Годам к пятнадцати он мне порядком надоел. Его оказалось слишком много в моей маленькой жизни. Помимо портретов, бюстов, статуй, денег, газет, изречений, он обильно присутствовал в школьной программе в виде текстов, не только на русском, но и на английском языке. Приходилось учить наизусть стихи о нем, на уроках пения петь о нем песни, после уроков в обязательном порядке смотреть о нем фильмы, документальные и художественные.

Он заполнял собой огромные куски пространства и времени, но выглядел менее убедительно, чем Кошей Бессмертный или Баба Яга. И в отличие от сказочных персонажей он был нестерпимо скучен. От него веяло смертельной скукой. Его образ был безнадежно мертв. Я стала подозревать, что такой человек вообще никогда не жил на свете.

Сомнения в реальности его существования только усиливались оттого, что всё вокруг с поразительным упорством пыталось убедить, будто он не просто человек и не просто живой, а «самый человечный человек» и «живее всех живых».

Мумию в мавзолее я увидела лет в восемнадцать. На Всесоюзном совещании молодых писателей я была старостой семинара поэзии. Посещение знаменитой усыпальницы входило в культурную программу для участников совещания, гостей из союзных республик. Мне пришлось сопровождать группу.

Труп выглядел еще менее убедительно, чем бюсты, статуи и портреты. Мне показалось, что лицо и руки отлиты из папье-маше, а волоски у висков подрисованы простым карандашом. Представить себе земной путь этой маленькой некрасивой куклы я не могла. И еще труднее было вообразить, каким образом эта кукла умудрилась организовать такое грандиозное событие – Великую Октябрьскую социалистическую революцию (ВОСР)?

* * *

В жизни каждого советского учащегося ВОСР происходила минимум дважды – в восьмом и в десятом классе. У тех, кто получил высшее образование, ВОСР случалась четыре раза. Чем больше я узнавала, тем меньше понимала. ВОСР притягивала меня, как притягивает то, чего боишься.

Да, я боялась ее, Великую Октябрьскую социалистическую. Боялась так сильно и серьезно, словно это событие что-то значило для меня лично. Смертный ужас, чувство абсолютной незащитности, сиротства, насилия и физической гибели – вот чем она для меня была.

Прабабушки, бабушки, дедушки скупно делились воспоминаниями. Бабушке Липе в семнадцатом было семь. Для нее ВОСР началась так: «Мы сидим, обедаем. Вдруг жуткий грохот, топот, крики. Распахивается дверь, вваливаются какие-то пьяные люди, упирают в нас штыки, кричат: буржуи, встать! Мы встаем. Они хватают со стола скатерть, вместе со всем, что на ней, с тарелками, супницей, соусниками. Связывают скатерть в огромный узел и убегают. Мама, папа, брат Даня, гувернантка немка, няня, горничные – все стоят и молчат. Тишина чудовищная, но недолгая. Опять грохот и крики. Опять влетают со штыками, хватают стулья и убегают. Я спросила папу: что это такое? Он ответил: это революция, Липонька».

Прабабушка Лена к семнадцатому успела закончить Бестужевские курсы и Сорбонну. О ВОСР предпочитала молчать. Иногда что-нибудь прорывалось случайно. Железная дорога, поезд, станция. Пассажиры выходят, чтобы набрать кипятку. В станционном буфете сутолока, никто не решается подойти к баку с кипятком. У бака сидит нечто невообразимое. Серая шевелящаяся масса. Облако, состоящее из миллионов вшей. Внутри, под слоями насекомых, человека не видно. Так и поехали дальше, без кипятку, до следующей станции.

Впрочем, это уже было году в восемнадцатом, в Гражданскую войну. Война почему-то меня пугала не так, как ВОСР. Мой личный ужас сосредоточился именно в конце октября 1917-го. Там блуждали в ночном ледяном воздухе сгустки мрака, огромные тени, и воняло от них перегаром, грязными портянками, махорочным дымом. Этот смрад оказался для меня спасительным. Я задохнулась насмерть за мгновение до того, как они напали. Они терзали тело, в ярости своей не замечая, что нет дыхания. Все, что происходило потом, я наблюдала уже со стороны, из какого-то иного, безопасного времени и пространства, вплоть до грозовой июльской полуночи 1960-го, когда пришлось опять вынырнуть в здешнюю неуютную реальность.

Мама говорит, что, родившись, я посмотрела на нее весьма сердито и заорала отчаянно. Вряд ли я сразу сумела сориентироваться во времени, но место не могла не узнать. Роддом № 6 находился в центре Москвы, на Третьей Мещанской улице. Где-то неподалеку, в Капельском, Банном или Больничном переулке меня зверски прикончили смутной октябрьской ночью 1917-го.

Я не помню подробностей, не могу и не хочу помнить. Иногда мне встречаются существа, очень похожие на тех давних моих знакомцев. В толпе мы мгновенно узнаем друг друга. Я больше не боюсь их, я смотрю на них с благодарностью. Милые твари, понимают ли они, какую огромную услугу мне оказали? Мне жутко не хотелось жить в России в период с семнадцатого по пятьдесят третий. Мои древние, сугубо контрреволюционные гены так противились этому, что существа, убившие меня, ни в чем не виноваты. Я виновата, только я. Струсилась и пропустила то, что должна была узнать вовсе не как сторонний наблюдатель, а пережить как безза-

щитный очевидец, испытать на собственной тонкой шкурке. Вероятно, именно этим объясняется мое жгучее любопытство к эпохе великих свершений и к вождям великой эпохи.

Меня всегда завораживали таинственные хитросплетения причинно-следственных связей. Мизерность причин и грандиозность следствий. В октябре 1917-го безвестный маленький лысый эмигрант, лидер кучки экстремистов, при посредничестве немцев вернулся из долгой эмиграции и захватил власть в России. За год его правления от огромной мощной богатой державы ничего не осталось. Стояли заводы и фабрики, не ходили поезда, хлеб не сеяли, у крестьян отнимали последние запасы.

С одной стороны – наглая авантюра, ловкая жульническая сделка, с другой – искалеченные души и судьбы миллионов живых людей, разграбленная, униженная страна.

Вроде бы все прошло. От уголовной пошлятины ленинско-сталинского большевизма остался лишь пыльный хлам плакатов, портретов, газет. Стоит ли рыться в этой исторической помойке, пачкать руки, дышать смрадом? Что там можно найти? Конечно, сохранились архивы, но что они скажут, если целая армия профессионалов год за годом, день за днем занималась расчисткой и фальсификацией документов великой эпохи? Протоколы и приказы печатались на специальной бумаге, которая истлевала сама, лет через пять-семь. Свидетельства очевидцев вроде Бонч-Бруевича тоже истлевали сами, поскольку мемуары переписывались авторами каждые пять-семь лет, в соответствии с очередной линией партии, таким образом, что одни и те же события в каждой последующей версии менялись до неузнаваемости.

Я не знаю, где кончается придуманный сюжет и начинается жизнь. Вопрос этот для меня мучителен. Никогда не сумею на него ответить, но постоянно ищущу ответ. Иногда мне кажется, что разница именно в конечности. Всякий сюжет имеет свой финал. Жизнь бесконечна. Короткий отрезок физического существования, от рождения до смерти, может стать увлекательным сюжетом. Для моего замысла средняя длина отрезка оказалась недостаточна. Я замыслила большой роман о ВОСР и ее последствиях. Мне понадобился герой-очевидец. Герой не только в литературном, но и в человеческом смысле. Мне нужен был человек, который в отличие от меня не струсит, переживет, доживет, все запомнит и сумеет рассказать. У него другие гены и шкурка потолще моей.

Решить проблему со средней длиной отрезка можно было лишь одним способом: отыскать рецепт эликсира молодости. Я занялась этим со свойственной мне дотошностью, впрочем, в начале пути я надеялась, что изобретать самостоятельно ничего не придется. За четыре тысячелетия упорных и самоотверженных поисков лекарства от старости и смерти кто-нибудь что-нибудь нашел, пусть непригодное для практического применения, но хотя бы из разряда возможного, вероятного. Цель моя была бескорыстна, я не собиралась омолаживаться, эликсир требовался всего лишь моему персонажу.

Сразу возникли вопросы. Я что, намерена создать героя-алхимика? А вдруг вместо героя у меня получится гомункул, искусственный человек?

* * *

Есть несколько версий происхождения термина «алхимия». От латинского «humus» – земля, от китайского «ким» – золото. От египетского «кеми» – «черная земля». Арабское «ал» позволяет перевести термин как «философская химия». Первоначально «кеми» обозначало тайную науку жрецов Египта. Основатель ее античный бог Гермес. Греки считали его богом торговли и плутовства, проводником душ в подземном царстве. Позже к его имени прибавилось определение «Трисмегист», то есть «Триждывеличайший» (эпитет вполне сгодился бы для Ленина). Главный труд Гермеса Триждывеличайшего, «Изумрудная скрижаль», высечен алмазной палочкой на изумрудном диске. Диск с текстом нашли солдаты Александра Великого в Великой пирамиде в Гизе, а пирамида эта является усыпальницей Гермеса.

«Вот что есть истина, совершенная истина, и ничего, кроме истины: внизу все такое же, как и вверху, а вверху все такое же, как и внизу. Одного уже этого знания достаточно, чтобы творить чудеса. И поскольку все вещи существуют в Едином и проистекают из Него, это Единое, которое есть Первопричина, порождает все вещи в соответствии с их природой.

Солнце – Его отец, Луна – Его мать, Земля – Его кормилица и защитница, а ветер лелеет Его в своем чреве. Единое есть Отец всех вещей, в нем заключена вечная Воля. Здесь на земле Его сила и власть пребывают в безраздельном единстве. Землю подобает отделять от огня, уточненное от плотного, но только осторожно и с великим терпением. Единое же возвышается с земли до небес и опускается с небес на землю. Оно таит в себе силу вещей небесных и силу вещей земных. Через это Единое вся слава мира сего станет твоею, а все неведение покинет тебя.

Это сила, могущественнее которой быть не может, потому, что Она проникает в тайны и рассеивает неведение. Ею был создан этот мир. Она свершает великие чудеса, ключ к которым содержится в этих словах.

Именуют меня Гермес Трисмегист, ибо я постиг три основных принципа философии Вселенной.

В словах моих содержится итог всей солнечной работы».

Прочитав это, я подумала: «Боже, какая пафосная чушь!» В комментариях утверждалось, что «Скрижаль» содержит квинтэссенцию всей мудрости мира. Мне тут же вспомнилось: «Коммунизм – это молодость мира» и «Учение Маркса всесильно потому, что оно верно». Ассоциация с марксизмом-ленинизмом была настолько очевидной, что я устыдилась своего пренебрежения к тексту Триждывеличайшего.

За многие века накопилась огромная библиотека комментариев к «Скрижали». У меня хватило терпения прочитать некоторые из них, они показались мне еще туманней самого текста. Мне ужасно хотелось узнать, что разумел Трисмегист под понятием «Единое»? Не надеясь отыскать внятного ответа у комментаторов, я положила на собственные скромные возможности.

Утверждение *«Через это Единое вся слава мира сего станет твоею...»* показалось мне знакомым. Нет, не утверждение, предложение, причем деловое, так сказать, коммерческое. Не случайно для древних греков Гермес был богом торговли и плутовства. Значительно позже, в самом начале нашей эры, а именно в 33 году от Рождества Христова, в Иудейской пустыне прозвучало весьма похожее предложение: *«Тебе дам власть над всеми царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое»* (Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 6, 7).

На гравюре Доре «Дьявол искушает Иисуса» дьявол – мужчина атлетического сложения с рожками и большими, остроугольными, перепончатыми, как у летучей мыши, крыльями. Вряд ли стоит напоминать, что это, второе по счету, предложение было отвергнуто Христом, как и два других. Любопытно, что первое заключалось в превращении камня в хлеб. То есть, по сути, рогатый предлагал Христу заняться тем, что алхимики именуют трансмутацией, преобразованием вещества. А третье, последнее, прозвучавшее в Иерусалиме, на крыле храма, сводилось к уговорам броситься вниз. Это уже была не пустыня – внизу, под стенами храма, толпился народ, публика, жадная до чудес.

«...если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедует о Тебе сохранить Тебя, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 9–11).

Вот было бы чудо из чудес! Это выглядело бы куда эффективнее исцелений, возни с прокаженными, параличными, слепыми, бесноватыми. Это сработало бы убедительней проповедей,

повысило бы статус проповедника, придало бы каждому его слову тяжесть непререкаемую. Все бы мгновенно поверили, слушали бы затаив дыхание. И никаких унижений, побоев, распятия, крестных мук. Пальцем никто бы не посмел тронуть.

Если бы утверждение, будто *«внизу все такое же, как и вверху, а вверху все такое же, как и внизу»*, являлось истиной, Сын Божий поступил бы именно так, как предлагал ему искушитель. Он бы насильно заставил толпу верить, чтобы никто никогда не посмел усомниться в Его беспредельном могуществе и абсолютной власти.

Демонстративное площадное чудо это насилие. Оно исключает свободу выбора и возможность веры. Это то, что *«внизу»*. Триждывеличайший не только бог плутовства, но еще и проводник душ в подземном царстве, в преисподней, *«внизу»*.

«Одного уже этого знания достаточно, чтобы творить чудеса».

На самом деле обнаружение *«Изумрудной скрижали»* солдатами Александра Великого в пирамиде Гизы всего лишь легенда. Когда и кем написан этот текст, неизвестно, впервые он упомянут как исторический документ в каталоге личной библиотеки Альберта Великого, жившего в XIII веке нашей эры. О чем в нем идет речь, понять может только посвященный, глубоко посвященный, очень глубоко посвященный в то, что *«внизу»*.

Семь веков *«Скрижаль»*, переведенная на десятки языков, цитируется разными авторами как квинтэссенция *«всей мудрости мира»*. Все, пишущие о *«Скрижали»*, твердят, что она оказала и продолжает оказывать невероятное влияние на человеческие умы, на ход истории, на развитие науки и культуры, на европейскую цивилизацию. Так и хочется уточнить: вот эта подделка? Эта писулька? Именно ее вы имеете в виду? Отлично знаю, что услышу в ответ снисходительное: вам не дано понять глубокий смысл *«Скрижали»*, вы не посвящены, вы мыслите обывательски.

Ну, ладно, мыслю, как умею. Ничего с собой поделат не могу, меня настолько завораживают хитросплетения причинно-следственных связей, несоответствие мизерности причин и грандиозности следствий, что я забываю об изначальной цели своих поисков, о философском камне, эликсире молодости.

Между тем будущий мой персонаж начал потихоньку предъявлять свои права. Я так много думала о нем, что он, еще не сочиненный, возомнил себя уже существующим.

Однажды теплым июньским вечером на даче я включила компьютер, посмотрела на закатное облако, тонкое, ровно изогнутое, оно переливалось от алого к лиловому, через желтизну и было похоже на недорисованную радугу. Я поняла, что придется подарить герою это облако, вместе с луной, которая тем ранним вечером тоже осталась недорисованной и выглядела как маленькое прозрачное круглое облако.

На соседнем участке наконец выключили газонокосилку, в тишине я услышала первое дыхание моего героя и подумала, что пора дать ему имя. Потом проступил влажный шелест кузнечиков. Герою этот звук показался торопливым, настырным, похожим на тиканье старого механического будильника. Герой нервничал, спешил проснуться, очнуться, он был жутко энергичный, деятельный, его мучило любопытство, у него затекали конечности от неподвижности.

Я сидела посреди лужайки, за старым подгнившим столом из неотесанных досок. Черные доски намокли от росы. Сладко дымилась зеленая противокмаринная спиралька, но комары все равно кусали нещадно. Пора было идти в дом вместе с компьютером. На краю стола стояло блюдо с водой, оставшейся после утреннего дождя, в ней плавал маленький бледный березовый лист. Начинать роман сейчас было все равно что отправляться в плавание на этом листочке по блюду.

Герой возник в дверном проеме веранды, спустился с крыльца и прошел мимо, не замечая меня. Он был одет тепло, по-зимнему, и нес на руках ребенка, завернутого в тулуп. Он

шагал по лужайке к бревенчатому мостику над канавой, и мокрая от росы трава скрипела под его ногами, как снежный наст.

Я замерзла, у меня зубы стучали от холода. Я увидела, как он застыл на краю мостика уже один, услышала, как свистит ветер. На самом деле он стоял на старом пирсе, перед ним простирался ледяной Финский залив. По льду залива мчался буер. В метельной мгле терялись очертания паруса. Меня обожгло нестерпимой тоской. Я не могла понять, что происходит, но чувствовала, как больно ему, не существующему. Несколько минут назад он передал сонного ребенка с рук на руки туда, в буер и попрощался навсегда с женщиной, которую любил всю жизнь. Ребенок ее сын. Она бежит из России к мужу. Все в спешке, в страхе, он сам устроил побег, иначе она бы погибла.

Я еще понятия не имела, что это одна из финальных сцен третьей части романа, что дело происходит зимой 1922-го, но сквозь меня уже проходили волны жуткой боли моего героя, ледяной пустоты, разрывающей его сердце. Он никогда ее не увидит. Нет, я не желала ему этого и в тот вечер не написала ни строчки. Вечер был такой чудесный, теплый, тихий. Я подумала, что, может быть, все обойдется, она останется с ним или он сбежит с ней. Он любит ее так сильно, что никакая ВОСР, никакие вожди не могут их разлучить. У человека всегда остается выбор. И что на свете важнее любви?

* * *

Начало романа, еще задолго до первой строчки, обозначено для меня отчетливой примесью не то чтобы чужих, но несвойственных мне чувств. Не могу похвастать, что знаю себя достаточно хорошо, но мне всегда хватает точности слуха, чтобы отличать собственные внутренние мелодии от тех, что звучат извне. Мои мелодии минорны. Печальное адажио. Никаких аллегро и скерцо, никаких дуэтов, тем более оркестров. Только соло. Невозможность дуэтов объясняется вовсе не количеством пережитых предательств, а лишь особенностью профессии. Тишайшее грустное соло не заглушает внешних звуков, позволяет уловить и расслышать музыкальные темы персонажей, какой-нибудь развеселый мотивчик, бесшабашную смешную песенку, надрывную исповедальность романса, истерику кабацких всхлипов, гипертоническую пульсацию парадного марша или океанский плеск симфонического оркестра.

Внутреннее эхо других жизней столь навязчиво, что приходится проживать эти жизни вместе со своей собственной или вместо нее, распутывать невидимую пряжу, на ощупь отыскивать узлы и кончики нитей, спряденных древними мойрами.

Три старушечки, богини судьбы, дочери Зевса и Фемиды, ни на миг не оставляют своего рукоделия. Мойрами их называли греки, но мне больше нравится римское «парки». За работой они бесконечно ворчат, напевают, бормочут, ссорятся. Звуки вплетаются в волокно.

Добродушная умница Клото упрямо прядет нить. Шелк нежен и прочен, но из-за тонкости слишком легко путается. Мягкая шерсть остается вялой, рыхлой и непрочной, а жесткая груба и колет руки. Чаще других идут в работу лен и хлопок, они просты, прочны, однако узор из них уныл и однообразен. Нервная злющая Лахесис затягивает петли, туго завязывает узлы. Хладнокровная рассудительная Атропос обрезает нить, иногда ножом, иногда рвет зубами. Из трех сестер Атропос больше всего похожа на мать Фемиду. Ее нельзя перехитрить, но можно убедить в справедливости отсрочки.

Эликсир молодости казался мне серьезным доводом. Я продолжила поиски и обратилась к древним китайцам.

В отличие от египтян и греков, они не верили в бессмертие души и духа, изо всех сил цеплялись за физическое существование. Китайская алхимия целиком посвящена поискам разных способов сохранения материальной телесной оболочки, если не навсегда, то хотя бы на максимально долгий срок, и не в виде мумии, а в виде живого человека. Китайские бессмерт-

ные «небожители» обитали в различных областях физического мира, высоко в горах или на далеких островах. В IV–V веках до нашей эры цари посылали туда своих медиков, чтобы они нашли там «бессмертных» и узнали у них рецепт волшебного снадобья. Цель китайской алхимии была сформулирована в алхимическом трактате II века нашей эры.

Чтобы не состариться и не умереть, достаточно исполнить ритуал и принять снадобье.

«Золото надо приготовить так, чтобы, съев его, человек мог достигнуть вечной жизни и сделаться бессмертным».

Золотой сок, золотая киноварь. Нет, я не видела возможности воспользоваться этими таинственными средствами. За разъяснениями я попыталась обратиться к лунному зайцу. Он снился мне иногда. Он был персонажем древней китайской легенды. Будда страдал от голода, зайцу стало жаль его, он бросился в огонь, чтобы изжариться и накормить собой Будду. Но Будда был вегетарианец, жареного зайца не съел, в награду за самопожертвование отправил его на луну. С тех пор заяц обитает там, толчет в агатовой ступке снадобья, которые входят в состав эликсира бессмертия. Тычинки и стебель лотоса, цветы хризантемы. Где их взять, если это вовсе не земные, а лунные лотос и хризантема?

Однажды утром, после очередного сна с участием лунного зайца, я открыла наугад книгу о Древнем Китае и наткнулась на фразу: *«Знающий не говорит, говорящий не знает».*

Это изрек Лао-цзы, первый философ китайского даосизма. Он жил в VI веке до н. э., встречался с молодым Конфуцием. Они друг другу не понравились. Старый философ обвинил молодого в чрезмерных амбициях. Молодой назвал старого драконом. Имя Лао-цзы носит главный трактат даосизма *«Настоящая классическая книга совершенной добродетели простоты и пустоты».* Я подумала, что не худо бы когда-нибудь ее прочитать, на время попрощалась с древними китайцами и обратилась к европейскому Средневековью.

Люди Средневековья редко улыбались, часто плакали и не проводили границ между верой и суеверием. Святую воду разбрызгивали по полям в качестве удобрения. Из воска церковных свечей лепили амулеты, оберегающие от чумы, молнии, утопления. Бумажки с молитвами закладывали под крышу как средство от грабежа и пожара.

Твердая, четко оформленная вера в бессмертие духа сочеталась с вязким, текучим томлением по поводу тленности плоти. Претензии к собственному телу и к телесности как таковой приводили к умерщвлению плоти в жесточайшей аскезе или в безудержном разврате, что по сути одно и то же: самоистребление. Монахи-аскеты занимались алхимией, пытались получить золото из ртути и свинца, наделять бессмертием тленную грешную плоть и создать гомункула, сотворить человека, то есть поспорить с Господом, в которого верили, и саму возможность спора с Ним искренне считали смертным грехом.

Мне довелось познакомиться с разными загадочными личностями, будто бы преуспевшими в поисках эликсира. Первым из них оказался тот самый Альберт Великий (1200–1280), монах-доминиканец, епископ, профессор Сорбонны, учитель Фомы Аквинского. Канонизирован Католической церковью. Папским указом от 1941 года признан святым, покровителем всех изучающих естественные науки. Помимо обширного богословского и философского наследия, оставил для потомков трактат «Об алхимии». Исследователи считают это произведение одним из самых ясных и понятных. Впрочем, исследователи предупреждают, что профан все равно ничего не поймет. Алхимики пользовались шифром, языком символов. Они знали рецепт изготовления философского камня, но тщательно его скрывали.

Непосвященный может свихнуться, пытаясь пробиться сквозь дебри древней тайнописи. Но у посвященного шансов свихнуться еще больше. К тому же он рискует в процессе «Великого делания» отравиться парами ртути или изобрести порох, как это случилось со знаменитым монахом-францисканцем Роджером Бэконом, автором трактата «Зеркало алхимии». Хотя есть версия, что порох изобрели задолго до него его коллеги древние китайцы.

Арнольд из Виллановы, Николая Фламель, Василий Валентин оставили после себя шлейфы легенд и кое-какие тексты. В них вроде бы приводятся рецепты изготовления философского камня, иногда довольно подробные. Запасайся серой, ртутью, свинцом, мышьяком и нечеловеческим терпением. Уединяйся в лаборатории, разводи огонь и дерзай. Только учти, нет никакой гарантии, что авторы текстов действительно вышеперечисленные великие адепты, а не какие-то безымянные проходимцы; что рецептура точна и смесь в тигле не взорвется от медленного подогрева. И вообще, не исключено, что имеются в виду вовсе не материальные составляющие, а неосязаемые и незримые духовные субстанции, заключенные внутри самого алхимика.

Вместо лунного зайца мне стали сниться ртутные бульдоги и свинцовые свиньи. Сюжет о философском камне оставался совершенно темен для меня. О какой-либо ясности не могло быть и речи.

«Если вам кажется, что вы что-то поняли, что текст и сюжет вам ясен, вы заблуждаетесь, вы имеете дело с ложью и надувательством. Только когда вы совсем перестанете что-либо понимать, вы приблизитесь к настоящей тайне и подлинному пониманию».

Это замечание, приписываемое Евгению Филалету, немного меня утешило. Филалет был английским адептом XVII века. Он родился в 1612 году. Он показался мне привлекательней остальных. Он имел два существенных преимущества. Первое – вопросительный знак вместо даты смерти. Второе – его фундаментальный труд «Открытые врата в палаты короля» был в течение двадцати лет настольной книгой Исаака Ньютона. Экземпляр, испещренный пометками Ньютона, до сих пор хранится в Британском музее.

Есть определенное лукавство в том, что алхимическая составляющая присутствует в биографиях многих весьма серьезных и авторитетных ученых, чья научная репутация никогда не подвергалась сомнению. Ньютон, Лавуазье, Резерфорд вряд ли увлеклись бы тайнами «Великого делания», если бы алхимия была полнейшей ерундой, историческим мошенничеством и бредом горстки сумасшедших.

В личной библиотеке Ньютона хранилось около сотни книг по алхимии. По свидетельству Стекеля, одного из ранних биографов ученого, Ньютон написал сочинение, объясняющее принципы таинственного алхимического искусства на основании экспериментальных и математических доказательств. Он очень ценил это свое сочинение, однако оно сгорело в его лаборатории от случайного огня.

Впрочем, случайный огонь вспыхнул вполне своевременно, именно тогда, когда Ньютон получил должность директора Монетного двора. Просвещенная публика XVII века считала алхимию магией и лженаукой. Смутный слушок о том, что директор Монетного двора увлекается средневековым колдовством и ставит эксперименты по «превращению медных фартиггов в золотые гинеи», сулил серьезные неприятности.

В этом смысле весьма красноречиво выглядит фрагмент из частного письма Ньютона по поводу статьи британского физика и химика Роберта Бойля «Экспериментальное рассуждение о нагревании ртути с золотом».

«Способ, коим ртуть пропитывается, может быть похищен... Сообщение этого способа принесет огромный вред миру... Поэтому я не хотел бы ничего, кроме того, чтобы великая мудрость благородного автора задержала его в молчании до тех пор, пока он не разрешит, каковы могут быть следствия этого дела, своим ли собственным опытом, или по суждению других, полностью понимающих, что он говорит, то есть истинных философов-герметиков».

Я, разумеется, не читала статьи Бойля, ничего не понимаю в проблеме трансмутации металлов, хотя знающие люди утверждают, что именно тут прячется рациональное зерно древней «лженауки». Меня поразило не так содержание письма Ньютона, как серьезность интонации.

Ньютон был гений, гению свойственно предвидение. Он сам догадался, что возможно манипулировать веществом, превращать одно в другое? Или доверял опыту многих поколений адептов? В начале XX века физикам стало ясно, что трансмутация металлов – дело вполне реальное, правда, дорогостоящее. Добывать золото на приисках дешевле и проще. Но никто из истинных философов-герметиков и не собирался ставить лабораторное производство золота на поток. Они десятилетиями корпели над своими ретортами, чтобы создать несколько граммов драгоценного металла, и получение этих граммов являлось лишь промежуточным этапом «великого делания».

В XX веке Карл Густав Юнг в своем известном труде «Психология алхимии» сделал любопытный вывод, что для алхимика главное – освобождение божества, которое затерялось и заснуло в материи.

«Лишь во вторую очередь он надеется получить от преобразованной субстанции некую выгоду для себя в виде панацеи, способной влиять на несовершенные тела и неблагородные «больные» металлы». Его внимание направлено не на собственное спасение благодаря Божьей милости, а на освобождение Бога от мрака материи...

Алхимики пришли к весьма ценной идее: Бог в материи. Таким образом, с высочайшим трепетом углубляясь в исследование материи, они положили начало развитию подлинной химии, с одной стороны, и более позднего философского материализма – с другой, со всеми психологическими последствиями резкого изменения картины мира».

Что из алхимии выросли химия и медицина, ни у кого не вызывает сомнений. Но вывод Юнга о философском материализме показался мне парадоксальным и неожиданным. Адепты были по определению людьми верующими, среди них много монахов. Альберт Великий и Фома Аквинский – доминиканцы, Роджер Бэкон – францисканец, Василий Валентин – бенедиктинец. Сам тезис «Бог в материи», безусловно, предполагает наличие, а не отсутствие Бога. Но поиск Его в металлах и прочих субстанциях путем научного эксперимента занятие странное, особенно для монахов. Впрочем, тут важен не результат, а сам поиск.

Кроме пороха, алхимики изобрели технологию изготовления минеральных красок, стекла, эмали, соли, кислот, щелочей, искусственных лекарств. Некоторые их снадобья успешно используются современной медициной, однако среди них нет эликсира молодости. Его нет и, вероятно, никогда не будет. Порох есть. Минеральные краски, стекло, кислоты – есть. Наличие философского материализма, грозного идолища ВОСР, Великой французской и всех прочих революций отрицать невозможно. Существа разной степени человекоподобия, големы и гомункулы, встречаются в современной высокотехнологичной повседневности довольно часто.

За полтора века до Ньютона великий врач и алхимик Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, известный под псевдонимом Парацельс, в своем серьезнейшем трактате «О природе вещей» приводит рецепт создания гомункула:

«Плотно запечатанную бутылку со спермой поместить в лошадиный навоз. Примерно за сорок дней в сосуде образуется легкий пар, и постепенно возникают человеческие формы. Маленькое создание шевелится, говорит. Мы называем такое существо гомункулом, его можно вырастить и воспитать как любого другого ребенка».

Я представила себе человека, который нацеживает бутылку спермы (собственной?) и кладет ее в лошадиный навоз. Специалисты утверждают, что в алхимических трактатах сперма –

продукт воображения. Ничего не надо понимать буквально. Если так, то почему не допустить, что конский навоз тоже продукт воображения, и бутылка, и сам алхимик, и гомункул, который образуется внутри бутылки?

Когда в моем личном воображении промелькнул этот образный ряд, я поняла, что Парацельс просто пошутил. Шутка по своей смачности и грубости напомнила мне некоторые «полезные советы» современника Парацельса, Франсуа Рабле, вроде подробного перечня предметов, коими удобно подтирать зад. Бархатная полумаска придворной дамы, кошка, шалфей, укроп, скатерть, портьера, цыпленок, выдра и т. д. Кстати, автор «Гаргантюа» был не только великим писателем, но неплохим врачом, заложил основы патанатомии, не пренебрегал астрологией и алхимией.

Врач Парацельс, когда бывал трезв, утверждал, что универсального лекарства не существует, то есть, по сути, отрицал возможность создания философского камня (панацеи), и сифилис лечил при помощи реальной, а не символической ртути. Он был алхимиком-революционером и врачом-революционером. Его декларации изумительны.

«Вы, врачи всего мира, итальянцы, французы, греки, сарматы, арабы, евреи – все должны следовать за мной. Если вы не пристанете чистосердечно к моему знамени, то не стоите даже быть местом испражнения для собак».

Так закончил он свою последнюю лекцию в Базельском университете. Очень похоже на «*Пролетарии всех стран, объединяйтесь!*». Впрочем, в отличие от товарища Маркса, который точно не шутил, Парацельс мог опять пошутить, как с рецептом выращивания гомункула. А вполне серьезная формула Маркса «*Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней*» удивительно напоминает рецептуру Парацельса.

Если бы Маркс был алхимиком, он бы, вероятно, предложил своим ученикам и последователям следующий способ:

«Плотно запечатанную человеческую голову с пересаженным в нее материальным поместите не обязательно в лошадиный навоз, можно просто в теплое место. Вскоре внутри сосуда образуется легкий пар, это есть не что иное, как идеальное, преобразованное в человеческой голове из материального, пересаженного в нее».

А может, Маркс и правда был алхимиком, просто от нас, профанов, это скрыли по идеологическим соображениям?

Призраки, как известно, являются существами идеальными, а не материальными, и логично предположить, что призрак коммунизма, бродивший по Европе, был выращен подобным образом в собственной лохматой и бородатой голове Маркса. Субстанция волос и бороды вполне могла способствовать поддержанию нужной температуры внутри сосуда и заменить конский навоз, чтобы выросло «маленькое создание», которое до сих пор шевелится, говорит и ходит по Европе.

Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм любил выпить и многие свои лекции читал пьяненький, за что в конце концов был изгнан из университета. В знак протеста перед зданием университета он сжег произведения Гиппократов, Галена и Авиценны.

Я так живо представляю себе его нелепую фигурку (рост около 150 см, широкие женские бедра, узкие тощие плечи). Скандалист-изгнанник навсегда покидает Базель, идет, пошатываясь, размахивая руками, одетый по своему обыкновению в лохмотья, а за ним следует толпа восторженных учеников, верящих, что он умеет выращивать гомункулов и знает тайну философского камня.

Я терпеть не могу революционеров, но этот маленький бродяга мне симпатичен. Парацельс не только шлялся по Европе, напивался до безобразия, орал перед толпой, грязно ругался, скандалил и жег книги. Он лечил сифилитиков и прокаженных, лечил бесплатно и не боялся заразиться. Он был отличным хирургом и отцом гомеопатии. А что касается его алхимических упражнений, так в его время границы между алхимией и химией еще никто не прочертил. Парацельс изобретал разные снадобья, чтобы помогать больным, облегчать страдания. Именно он, Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст, подсказал мне, что в древней герметической науке не все так чудовищно серьезно, как кажется одинокому перепуганному профану. Кое-что всего лишь шутки, впрочем, иногда весьма злые, издевательские, чреватые трагическими последствиями для тех, кто лишен чувства юмора. Бог Гермес великий плут, а стало быть, и насмешник.

Уже понимая, что у знаменитых и анонимных адептов искать ответов на мучивший меня вопрос бесполезно, я продолжала поиски без всякого энтузиазма. Ртутные ванны мошенника Калиостро и политические фокусы бессмертного Сен-Жермена окончательно развеяли мои иллюзии. Я убедилась, что адепты герметической науки никаких своих секретов ни за что не откроют. Да собственно, они и не обещали и не обязаны открывать.

«Философы поклялись этого никогда не называть людям и не записывать этого ни в какую книгу. Ибо Бог хочет, чтобы это оставалось неоткрытым, ибо Он сам считает это слишком ценным и дорогим. Только когда Ему угодно, Он сообщает это Своей Божьей милостью. Или не сообщает», – так высказался один из алхимиков и даже имени своего не оставил любопытным профанам.

Пришлось обратиться к адептам науки позитивистской, эмпирической, которая принимает во внимание лишь то, что можно увидеть, пощупать и воспроизвести опытным путем. Такая наука завораживает своим авторитетом, надежностью, окончательностью и безапелляционностью суждений. Она умеет отвечать на все вопросы, включая те, на которые у нее нет ответов. Все, что она не может объяснить, она объявляет несуществующим. Никаких тебе лунных зайцев, тайного огня и философского камня. Вместо всего этого – вытяжки из щенячьих семенников, инъекции из клеток эмбрионов крупного рогатого скота, пересадка свиных гипофизов.

* * *

Герой так и остался стоять на пирсе в Финском заливе. Буер давно исчез, его пассажиры благополучно сбежали из большевистской России, сошли на финский берег. Каждому из них я придумала биографию, имя, характер, судьбу. Их внутренние мелодии звучали во мне вполне отчетливо, но никто из них не годился на роль очевидца, способного раскрыть тайную механику мучивших меня событий. Сбежавшие, уцелевшие жили своей жизнью. А единственный возможный очевидец все еще оставался моей собственной печальной тенью.

Я пыталась поговорить с ним, объяснить, что невозможно изобрести средство, способное продлить жизнь. Предлагала разные, более или менее интересные рецепты.

«Всякий, кто хочет продлить свою жизнь, должен обтираться два или три раза в неделю сердцевиной коричневого дерева. Каждый вечер перед отходом ко сну следует прикладывать к голове припарку из восточного шафрана, лепестков роз, экстракта сандалового дерева, алоэ и янтаря, растворенных в розовом масле с добавлением небольшого количества воска. Утром же припарку следует снимать с головы и аккуратно класть в закрытый свицовый ларец до следующего вечера».

Этот рецепт я обнаружила в очередном исследовании очередного специалиста по алхимии. Его предлагал аноним француз из галантного века. По эффективности он ничем не уступал коровьим эмбрионам и щенячьим семенным железам, но был изящен, ароматен, в стиле своего века, и совершенно безопасен.

Герой мрачно молчал и не смотрел в мою сторону. Проходили дни, недели, мои тетрадки и черновиковые файлы в компьютере разбухали от набросков, замыслов, пунктирных характеров и сюжетных линий. Я никак не могла начать роман. Писала несколько абзацев и уничтожала, писала и уничтожала.

Во время одиноких прогулок по летней Москве я нашла на Второй Тверской-Ямской подходящий дом, мой любимый московский модерн начала XX века, выбрала ряд окон на четвертом этаже и довольно ясно представила себе квартиру, в которой предстоит жить моим героям в 1916-м, когда начнется действие романа.

Из глубины памяти всплывали мельчайшие подробности быта. Золотистый вечерний свет настольной лампы, сонная тяжесть штор, кремовый, с кружевными мережками, шелк ска-терти. Мягкую длинную бахрому так приятно было заплетать в косички, забравшись под стол и воображая, что это грива моего собственного маленького пони. В просторной ванной комнате круглые сутки танцевал синий огонь газовой горелки, пахло фиалковым мылом. Когда наполняли ванную, овальную чугунную громадину на птичьих когтистых лапах, молочный кафель покрывался теплой испариной, потело зеркало над раковиной. Я рисовала на нем лунного зайца с агатовой ступкой. Во тьме грядущей ВОСР каждая мелочь, каждая безделушка отбрасывала особенный, драгоценный отблеск последнего прощания.

Персонажи скользили по комнатам медленно и беззвучно, повисали в воздухе, не касаясь дубового паркета, легко проникали внутрь зеркал и возвращались оттуда, ничуть не уплотнившись. Чувство их присутствия было достоверней, чем само присутствие. Мне хотелось, чтобы они начали двигаться уверенней. Я пыталась понять, что такое движение? Сумма неподвижных положений или сумма исчезновений и появлений? Но вопрос этот древний, как алхимия, и ответа на него до сих пор не существует. Персонажи то исчезали, теряя очертания, то застывали в фотографических позах, и тогда был виден пустой силуэт, словно из группового снимка аккуратно вырезали чье-то изображение.

Герой-очевидец все не уходил со своего пирса. Его фигура была реальней и отчетливей других, но он не желал участвовать в событиях, а без него история никак не начиналась.

Я скатилась до молодильных яблочек, живой и мертвой воды, котлов с кипящим молоком. Последнее, что осталось в моем жалком арсенале, – мазь госпожи Зои-царицы (Византия; 978–1050).

«Берутся финики давленные, слива сочная, мягкий изюм, мягкий инжир или сушеные смоквы. Луковицы лилии, сварив с медом, искроши, а затем соедини со всем, упомянутым ранее. Все это одинаково измельчив, добавь мирру и пользуйся приготовленной мазью».

И тут он наконец соизволил обратить на меня внимание, сойти со своего пирса, переместиться в Москву. Однажды глубокой ночью он возник у меня в кабинете, просто соткался из воздуха и мягко опустился на диван. В тишине зазвучал его голос, довольно низкий и хриплый:

– Эта госпожа-царица Зоя отравила кучу своих мужей и родственников.

– Откуда ты знаешь? – спросила я, опомнившись после первого шока.

– Всякое знание есть воспоминание, – ответил он и, снисходительно улыбнувшись, добавил: – Перечитай Платона.

Я наконец увидела его лицо. Оно оказалось жутко старым. Тонкая высохшая кожа так плотно обтягивала скулы и лоб, что было больно смотреть. Под глазами тяжелые лиловые

мешки. Ни бровей, ни ресниц. На голове черная бархатная шапочка. Судя по тому, как он сидел, ноги его были парализованы. Мне стало неловко, что я обратилась к нему на «ты», я спохватилась, что не знаю ни имени, ни отчества, ни фамилии, и тут же ляпнула наугад:

– Федор Федорович, здравствуйте.

– Привет. – Он вяло кивнул и поправил шапочку.

Я облегченно вздохнула. Имя-отчество не вызвало у него никакого протеста. Осталось только придумать фамилию.

– Агапкин, – спокойно представился он, – мать была прачкой, пила страшно. Отец неизвестен. Дворник, трактирный половой – не важно. В любом случае гены другие, шкурка потолще твоей. Тебя интересует мой головной убор? Это калетка – ритуальная шапочка Мастера масонской ложи.

Я смотрела на него и не могла произнести ни слова. Мне хотелось спросить, сколько ему лет. Когда я увидела его впервые, он показался мне совсем молодым, а теперь был невероятно стар. Из этого следовало, что все мои изыскания – напрасный труд. Федор Федорович Агапкин ветхий старик, но даже если ему за девяносто, он все равно не может быть очевидцем. Во время ВОСР он был младенцем, вряд ли что-нибудь помнит и сумеет рассказать.

– Сто шестнадцать, – сообщил он, – я все отлично помню и сумею рассказать. Только будь добра, не удирай, как тогда, в октябре семнадцатого.

Я почувствовала, что краснею. Мне стало стыдно. Я знала, что с ним притворяться не стоит, но все-таки осторожно заметила:

– Меня прикончили, я не виновата.

– Ладно, – он махнул высохшей невесомой рукой, – поговорим об этом после, когда напишешь свой роман.

– А я напишу его?

– Куда ты денешься? – Он ткнул пальцем мне в лоб. – У тебя все вот тут.

Затаив дыхание, я ждала, что он продолжит, уточнит, объяснит, но он прикрыл глаза и засопел. Голова склонилась, рот приоткрылся, блеснул голубоватый фарфор вставной челюсти. Федор Федорович Агапкин преспокойно уснул в моем кабинете на диване, и мне оставалось только накрыть пледом его безжизненные ноги. Когда я наклонилась к нему, он, не открывая глаз, шлепнул себя ладонью по коленке и пробормотал сквозь долгий зевок:

– В третьей книге я должен встать и пойти, иначе ничего не получится.

Утром никакого Агапкина в моем кабинете не оказалось. На диване валялся обложкой вверх увесистый том «Оксфордской медицинской энциклопедии». Он был открыт на букве «Е», и первое слово, которое мне попало, было «epiphysis» – анатомическое название шишковидной железы.

Эта маленькая железка обитает в геометрическом центре головного мозга, на дне третьего желудочка. По форме напоминает еловую шишку. Шишковидная железа известна 4 тысячи лет. Индийские йоги считали, что эпифиз, весящий всего 0,1 грамма, является органом ясновидения, «третьим глазом». У некоторых позвоночных он имеет форму и строение глаза, и у всех, вплоть до человека, он чувствителен к свету. Тело в виде сосновой шишки изображалось в тех местах египетских папирусов, где говорилось о вступлении вновь прибывших душ в судный зал Осириса. Французский философ Рене Декарт в XVII веке описывал эпифиз человека как вместилище души.

Эпифиз выделяет гормон мелатонин. В шестидесятые-семидесятые годы XX века в Америке было высказано предположение, что эпифиз управляет возрастом, что маленькая железка и есть те самые биологические часы, ход которых определяет старение, жизнь, смерть. Америка пережила мелатониновый бум. Гормон продавали в аптеках всем желающим. Желающих нашлось много. Никто не омолодился, последствия оказались ужасны, как всегда бывает, когда человек объедается таблетками.

Это вовсе не опровергло теорию биологических часов, но в очередной раз напомнило об одном из главных недугов позитивистской науки – о печальном несоответствии знания и понимания.

«У тебя все тут».

Агапкин, когда ткнул мне пальцем в лоб, имел в виду не только будущий роман, но и pineal gland, epiphysis, третий глаз.

* * *

«Человек, пытающийся выйти за пределы своей личности, неминуемо возвращается к самому себе. И наоборот, пытаясь проникнуть внутрь своего существа, неизбежно устремляется мыслью в широкую перспективу».

Парацельс изрек это в трезвом состоянии. Спать вряд ли такое скажешь. Возможно, именно это и есть тот единственный крошечный шаг на пути поиска панацеи, который удалось сделать пламенному бродяге Бомбасту. В определенном смысле это смыкается с идеей Платона о том, что всякое знание есть воспоминание.

Продолжительность жизни зависит не от внешних манипуляций с разными веществами, не от магических действий, приема таблеток, инъекций, пересадки органов, а от чего-то внутри самого человека. Известно, что из всех существующих во Вселенной структур самой таинственной и непознаваемой является человеческий мозг. И вполне логично предположить, что именно в центре мозга скрыто нечто, влияющее на длину отрезка, на промежуток между приходом в этот мир и уходом из него.

Маленькая железка сидит в совершенно темном месте, однако различает не только внешнее, но и внутреннее соотношение света и тьмы. Дополнительный глаз, обращенный вовнутрь, с возрастом покрывается слоями кристаллов, «мозговым песком», который содержит гидроксипатит кальция, физическую основу квантового компьютера. Так и хочется назвать эпифиз квантовым процессором. Но лучше воздержаться от этих грубых сравнений.

Настоящая роль маленькой железки до сих пор не прояснилась. Недавно стало известно, что именно эпифиз, а не гипофиз с гипоталамусом, как считалось раньше, управляет всей гормональной системой организма.

Теперь мне оставалось придумать, каким образом нужно воздействовать на эпифиз, чтобы мой Агапкин пожил подольше.

От операции на мозге я отказалась. Только представила, как будут пилить черепушку Федора Федоровича, проходить мозговые оболочки, сразу сердце сжалось от страха и жалости. А вдруг там что-нибудь повредят, занесут инфекцию? На всякий случай я достала с верхней полки старый, 1910 года издания, учебник военно-полевой хирургии, оставшийся от моего двоюродного прадеда, военного хирурга, полистала, отложила. А на следующее утро обнаружила на диване поверх «Хирургии» «Паразитологию», справочник 1937 года издания, настольную книгу моей бабушки Липы.

Сколько интересной информации о разных паразитах обрушилось на меня в детстве! Это была одна из любимых тем бабушки Липы. Она работала санитарным врачом и всю жизнь самоотверженно сражалась с глистами, клещами, вшами Москвы и Московской области.

В семь лет меня отправили в пионерлагерь на месяц, я вернулась оттуда совершенно вшивая. У меня были волосы до пояса. Стричь не стали, пожалели. Бабушка обливала меня керосином, часами вычесывала гнид специальным частым гребешком, цитировала Ленина: «Или вошь победит социализм, или социализм победит вошь», – и ворчала, что в итоге победила дружба.

О глистах бабушка рассказывала всякий раз, когда кто-нибудь забывал вымыть руки перед едой. Я с детства знала о цистах, яйцах глистов, которые могут жить в своих капсулах бесконечно долго. Попадая в организм, они сами находят путь к нужному им органу. Микроскопические твари способны воздействовать на поведение своего хозяина. Мыши теряют страх перед кошками, если цистам нужно попасть из мышинной пищеварительной системы в кошачью. Рыбы всплывают на поверхность, чтобы их съел какой-нибудь млекопитающий хищник. Дети, зараженные глистами, иногда излечиваются от многих других болезней, чтобы глистам жилось комфортней. Есть какой-то особенный глист, предпочитающий селиться в мозгу белых медведей, и зараженные медведи живут значительно дольше своих здоровых собратьев.

Существуют сотни тысяч видов паразитов, среди них много древних, селившихся в мамонтах и динозаврах. И вполне возможно, что какой-нибудь неизученный редкий вид обладает способностью находить путь по кровотоку к эпифизу и менять ход внутренних биологических часов по своему усмотрению.

Федор Федорович явился в тот же день, уселся рядом со мной на скамейку в Миусском парке. На этот раз он был молод, я не сразу его узнала и впервые сумела разглядеть вблизи его молодое лицо. Он показался мне пошло красивым, каким-то прилизанным, и ресницы у него были длинные, как у девушки.

– Стало быть, пожалела меня? Кроить мне черепушку, ковыряться в моих мозгах не хочешь, – произнес он с холодной усмешкой, – а заражать меня древней тварью, мозговым паразитом можно, да?

Я не знала, что ему на это ответить. Он бесцеремонно открыл мою сумку, достал сигареты, зажигалку. Минуты три мы курили молча. Мне хотелось понять, видит ли его кто-нибудь, кроме меня. Народу в парке было много. Мамы с колясками, подростки на роликах, парочки, собачники с собаками. Никто не смотрел в нашу сторону.

– Они не только меня, но и тебя не видят, – спокойно сообщил Федор Федорович, – для них на этой скамейке вообще никого нет.

– А как же сигаретный дым? – спросила я.

– Никак, – он пожал плечами, – нет никакого дыма. Не видят и запаха не чувствуют. Извини, но мне пришлось проделать с тобой этот маленький безвредный фокус, иначе мы не сумели бы спокойно поговорить. На тебя глазают на улицах, ты, как это у вас называется, «медийное лицо». Не волнуйся. Поговорим – верну тебя обратно. Ты же понимаешь, я вовсе не заинтересован, чтобы ты опять сбежала, как тогда, в семнадцатом.

Не могу сказать, что я испугалась. Я давно уж догадывалась, что эти странные существа, вымышленные персонажи, вовсе не так беспомощны и безобидны, как принято считать. Когда я пишу очередной роман, у меня случается много мелких бытовых неприятностей. Зависает компьютер, бьется посуда, убегает не только кофе, но и разные нужные вещи, вреде ключей, перчаток, зонтиков. Или наоборот, вдруг начинается полоса шального, незаслуженного везения. Мне удается поймать на лету, в нескольких сантиметрах от пола, любимую кофейную чашку. Находится что-то давно и безнадежно потерянное; сам собой открывается на нужной странице увесистый том какой-нибудь энциклопедии; сама собой отменяется поездка, когда ехать необходимо, но ужасно не хочется, а отказаться неловко; включается и нормально функционирует зависший компьютер. Я не понимаю, в чем дело, почему сегодня все ужасно, а завтра чудесно, в чем я виновата, в чем права и кто это определяет. Я утешаюсь, что эти неподвластные моей воле провалы и подъемы происходят из-за усталости, рассеянности. Я стараюсь жить здесь и сейчас, а не там и когда-то. К финалу я почти не слышу собственную внутреннюю мелодию, звучат только их темы, их голоса, шаги, дыхание.

Из трусости я тешу себя иллюзиями, что этих людей на самом деле не существует, что я могу распоряжаться их судьбами и чувствами по своему усмотрению; что пространство трехмерно, а время линейно, движется только от прошлого к будущему. А все равно, гуляя по

Тверским и Брестским, я отчетливо вижу на месте новых зданий старые, снесенные до моего рождения. В Миусском парке вместо Дворца пионеров передо мной встает храм Александра Невского, взорванного, когда мой папа был подростком, и кто-нибудь вроде Федора Федоровича бесцеремонно садится рядом со мной на скамейку.

– Учти, есть музыка, которая убивает, – донесся до меня голос Агапкина, – вспомни иерихонские трубы.

– Это вы к чему? – спросила я.

Он загасил сигарету, и я с изумлением увидела, что рука его треплет загривок черного пуделя. Пес был старый, облезлый, он вилял хвостом, болтал ушами и пару раз лизнул мне ладонь, просто из вежливости. Было очевидно, что они с Агапкиным давние знакомые, а я тут третий лишний.

– Тема Кобы, она ведь тоже должна зазвучать, – печально произнес Федор Федорович, – хотя не знаю, можно ли это назвать музыкой.

Он замолчал надолго. Я заметила, что изменилось освещение. Спряталось солнце, со стороны Замоскворечья напознала туча, такая плотная и темная, что, казалось, ветру тяжело двигать ее, ветер застыл, притих, и короткие быстрые порывы были похожи на одышку. Притихло все в парке. Мамы заторопились прочь со своими колясками. Поднялась и засемила по аллее пара старичков, до этой минуты молча, грустно сидевшая на соседней скамейке. Исчезли подростки на роликах. Полная бодрая бегунья в красной футболке и желтых спортивных штанах помчалась к выходу. В тишине бабахнул первый раскат грома. Я вспомнила, что не взяла с собой зонтик, хотела встать, но тут прозвучал голос Агапкина:

– Сиди, не дергайся. Тебе будут сниться кошмары. Ты попытаешься найти какие-то логические объяснения, но не сумеешь. Зло бессмысленно, иррационально. Единственная, извечная его цель – утверждение собственного превосходства, обожествление самого себя.

– Вы говорите о Сталине? – осторожно уточнила я.

Пудель вдруг взгромоздился на колени, слишком ловко и легко для своего солидного возраста, и самое интересное, что не к Агапкину, а ко мне. Он был тяжеленький, теплый и морду положил мне на руку.

– Ты вовсе не третий лишний, – тихо заметил Федор Федорович. – Адам признал тебя.

– Адама тоже никто не видит? – спросила я.

– Никто, кроме нас с тобой. Он появится в первой части твоего романа, и только от тебя зависит, насколько отчетливым получится его образ. Ты ведь давно уже замечала, что процесс писания чем-то похож на реанимацию.

– Или на прогрызание дыр в другие времена и пространства, – пробормотала я, почесывая мягкое ухо Адама.

– Ну, это ты загнула, – Федор Федорович неприятно усмехнулся, – ничего не прогрызешь, зубы сточишь. Да и зачем ломиться в открытые двери, тем более если нет ни дверей, ни стен. Нужно просто сменить угол зрения, ты отлично это знаешь и умеешь делать.

Небо почернело, словно на город опустилась ночь. Было странно, что в таком глубоком мраке все отчетливо видно и вблизи, и вдали. Листья и узор древесной коры, розовые нежные проплешины на затылке Адама.

Пес никак не реагировал на грозу, уютно устроился у меня на коленях, задремал и только слегка порывкивал, когда я забывала почесывать его за ухом. Ни он, ни Агапкин, казалось, не замечают раскатов грома, вспышек молнии, первых крупных капель дождя. Мне хотелось убежать. Вполне естественное желание для человека, оказавшегося в грозу без крыши над головой. Но чтобы встать, нужно было снять Адама с колен.

– Сиди, не суетись, – сказал Агапкин, – ты можешь видеть грозу, чувствовать ее и не промокнуть без всякой крыши и зонтика. Кстати, зонтик бы все равно не защитил, при таком ветре он вывернется наизнанку, сломается.

Ветер отдохнул, отдышался, стал мощным и злым, под его порывами беспомощно и страшно гнулись деревья, прижималась к земле трава.

– Он еще и холодный, – заметил Федор Федорович, – но разве ты замерзла? А на тебе всего лишь легкое платье, босоножки.

Он был прав. Нет, я, конечно, чувствовала холод, но внешний, нестрашный. Меня согрел Адам, защищала от дождя широкая шумная крона старого тополя. Платье, волосы оставались совершенно сухими.

– Ты продолжаешь наблюдать события извне, из уютного, спокойного, безопасного далека. – Агапкин прищурился, искоса взглянул на меня. – Чтобы понять ту, другую действительность, ты должна оказаться внутри. Мне не понравилась твоя реплика о прогрызании дыр, ты сама отлично знаешь, что это невозможно, не нужно. На самом деле ты просто не желаешь сменить угол зрения. Боишься, брезгуешь, врешь себе и мне.

– Конечно вру, – согласилась я, – но разве эта ложь не есть первый шаг к пониманию большевизма? Он весь построен на лжи, именно со лжи началось мое знакомство с Лениным. Я соврала на детском утреннике, назвав себя его внучкой, и вопрос, почему я это сделала, оказался решающим.

– Решающим – что? – язвительно спросил Агапкин.

– Не знаю. – Я вздохнула, потрогала влажный нос Адама.

В ответ Адам нежно лизнул мою ладонь. Я уже не могла представить, что еще несколько минут назад не знала этого чудесного пса, и поймала себя на том, что всерьез размышляю, уживется ли он с моим ирландским сеттером Васей, если я приведу его домой, увидит ли его мой Вася или только почувствует, и как сложатся их отношения?

– Ты ступаешь, уже ступила на чужую территорию. У тебя есть только один шанс уцелеть. Не врать себе. Их атаки, соблазны, ночные кошмары для тебя безопасны до тех пор, пока ты сама себя не предашь. Ты же знаешь, почему я уцелел.

Конечно, я знала, я сама это для него придумала. Он любил всю жизнь одну женщину. Любовь без предательства – единственное достоверное объяснение, почему он уцелел. Я категорически возражала самой себе, мол, так не бывает, особенно у мужчин, не бывает, чтобы всю жизнь одну и без предательства. Никто мне не поверит. Я и сама себе не верю.

Безумно трудно, когда твоя внутренняя правда противоречит общепринятой точке зрения, «мудрости мира сего». Ты кажешься себе дурой, сентиментальной кретинкой, ты себе не доверяешь, становишься беспомощной, уязвимой, и единственной защитой представляется «мудрость мира сего», с ее обыденными истинами. Нет никакой любви. Что это ты вообразила? Кто ты вообще такая? Где она, любовь? Покажи, дай пощупать. Не можешь? Ну и молчи в тряпочку, знай свое место. Яйца курицу не учат. Все мужчины одинаковы, и женщины одинаковы, вообще люди одинаковы. Каждый блюдет свой интерес. Все врут, предают, *«что внизу, то и наверху»*. Страсть, животные инстинкты, жажда превосходства, тщеславие, корысть, выгода, прибавочная стоимость.

«Вот что есть истина, совершенная истина, и ничего, кроме истины».

«Мудрость мира сего», гигантская курица-наседка, снисходительно берет тебя под свое полновесное крыло. *«Это сила, могущественнее которой быть не может, потому, что Она проникает в тайны и рассеивает неведение».*

Под крылом хорошо, покойно, сразу жизнь кажется понятной и простой. Открываются тайны, рассеивается неведение, ответы на любые вопросы валяются прямо в рот, готовенькие, кем-то уже пережеванные и переваренные. Отдыхай, грейся и не высовывайся.

Но я все-таки высовываюсь, мне душно, хочется глотнуть свежего воздуха, к тому же из-за тонкости шкурки меня знобит, я чувствую в этом обжитом, удобном пространстве зловонный подземный холодок. Куриное крыло к полету не способно, и курица-мудрость знает только то, что внизу.

Агапкин молчал, не трогал меня. Мне стало казаться, что он отлично понимает мои мысли, и образ мудрости-курицы кажется ему грубоватым, неуклюжим. Я открыла рот, чтобы сказать ему, что вовсе не собираюсь брать это в роман, а просто так размышляю про себя. Но стоило мне взглянуть на него, и слова застряли в горле.

Лицо Федора Федоровича побелело, кожа на скулах натянулась, губы сжались. Он как будто стал меньше, невесомей, сквозь него смутно просвечивали потоки дождя, темный мокрый кустарник. Адам все еще лежал у меня на коленях, но совершенно неподвижно. Я почти перестала чувствовать его дыхание, теплую тяжесть.

«Господи, что происходит? Они исчезают и больше никогда не вернутся!» – пронеслось у меня в голове под очередной громовой раскат.

– Ты убиваешь меня, – донесся голос Агапкина, совсем слабый, далекий, – ты так много занималась продлением моей жизни, но что это будет за жизнь, если я не смогу любить? Как я проживу ее, что запомню и сумею рассказать? Зачем тебе такой очевидец?

Я представила себе, что его ждет, и мне стало страшно. Сентенции о невозможности любви без предательства, такие знакомые, обыденные, правильные, подтвержденные тысячами поучительных житейских историй, осыпались мертвой скорлупой.

Адам зашевелился, потряс ушами, помахал хвостом. Лицо Федора Федоровича порозовело, и голос его зазвучал совсем близко, отчетливо:

– Ты обратила внимание, как много сказано и написано о злодеяниях большевизма, терроре, кровавых ужасах и как мало о мошенничестве большевиков, об искусстве подмен?

– Да, разумеется, этого только слепой не заметит.

– Сколько же их, слепых, – проворчал Агапкин, – однако это слепота особого рода. Так сказать, добровольная. Знаешь, почему? В кровавом злодействе, в массовом терроре чувствуется мощь, мрачное величие. Быть жертвой великого злодея как-то почетней, чем жертвой мошенничества. В первом случае речь идет о мученичестве, во втором о глупости. Так вот, о глупости, особенно собственной, рассуждать неприятно. Мошенничество – это сделка умного и жадного с глупым и жадным.

– Сделка, сделка, – пробормотала я, как будто пробуя на вкус это холодноватое хрустящее словечко.

– Настоящая история большевизма – это история фальсификаций, – спокойно продолжал Агапкин. – Им удалось не только фальсифицировать отдельные события, но создать фальшивую действительность, переселить в нее миллионы людей, заставить жить и умирать в ней. Твои любимые древние китайцы говорили: выход надо искать там, где был вход. Чтобы окончательно выйти из большевизма, надо отдать себе отчет, что начался он с мошенничества, то есть со сделки.

– Те, кто умирал от голода, кого расстреливали и гноили в лагерях, никакой сделки не заключали, – заметила я сердито.

– И те, кто голосовал, отбивал ладони в аплодисментах, подписывал приговоры, тоже не виноваты, – ехидно парировал Федор Федорович. – Ну, а как быть с прогрессивной интеллигенцией, с купцами, адвокатами, артистами, которые в первое десятилетие двадцатого века щедро спонсировали большевиков? Все эти покровители, от Саввы Морозова до Комиссаржевской, из чистого снобизма давали им деньги. Такая, с позволения сказать, оппозиционность была модной, считалась хорошим тоном.

– Они не ведали, что творили.

– Да, всего лишь невинное, вполне понятное человеческое желание быть как все, соответствовать своему кругу, социальному слою, веянию времени. – Федор Федорович нахмурился, потом вдруг улыбнулся совершенно новой, открытой улыбкой и спросил: – Что ты скажешь о запахе этого ливня? Какой он?

Я быстро и четко, словно отвечая на экзамене, произнесла:

– Тревожный, остро-свежий, ослепительный для дыхания.

Сонный Адам заворочался и помахал хвостом. Агапкин одобрительно хмыкнул и кивнул в сторону Тверской. Там над крышами возник бледный полукруг радуги. Дождь поредел, иссяк, крупные медленные капли сияли на солнце, туча переместилась куда-то к Мещанским улицам, к Рижскому вокзалу, и там, вероятно, лило сейчас, как из гигантского душа.

Радуга проявлялась, становилась ярче, наподобие переводной картинки, которую положили в воду. Я подумала, что Агапкин сейчас потребует от меня очередных определений, спросит о радуге, о закатном солнце. Оно вспыхнуло в прогалине сизого пухлого облака, выстрелило мощными лучами, и окна верхних этажей приняли в себя ослепительный свет, запылали, горячо зарделись.

– Нет, – жестко сказал Агапкин, – все это сейчас не важно. Твои эпитеты, метафоры – они только игрушки, ты сама отлично понимаешь.

– Понимаю. Но без них не могу.

– Играй на здоровье. Однако вряд ли они защитят от ночных кошмаров. Учти, атаки начнутся нешуточные, не только во сне. Наяву.

– Не защитят, – легко согласилась я, – но утешат. Это уже немало.

Федор Федорович впервые взглянул мне прямо в глаза. В его черных блестящих зрачках я увидела два собственных крошечных лица.

– Ты без всякой дополнительной защиты, одна, в этой своей тонкой шкурке, намерена влезть в самое пекло, – произнес он, и в голосе его слышалась тревога и жалость. – Так вот, учти – оно ледяное.

– Ледяное пекло?

– Да, такой забавный оксюморон. Парадоксы завораживают, гипнотизируют. Когда один человек убьет и ограбит жертву, он преступник. Преступника ловят, судят, наказывают. Но когда одному человеку удастся ограбить всю страну и убить миллионы людей, он великая и легендарная историческая фигура. Даже тот, кто признает кровавые факты, находит множество оправданий массовым убийствам. Фигуру ставят на пьедестал, ей поклоняются.

– Поклоняются силе, масштабам, – осторожно заметила я, – в основе этого собственная слабость, мелкость и просто глупость, в которой человек не виноват.

– Не виноват, – эхом отозвался Агапкин, – но боже мой, как виртуозно они умели использовать именно глупость. Что бы они без нее делали?

Мы уже не сидели на скамейке. Мы покинули Миусы, медленно шли по Тверской, по мокрому, зеркально-черному тротуару. Адам ковылял рядом. Я видела наши отражения в лужах, на фоне голубого неба, в стеклянных витринах, на фоне автомобилей и прохожих. Федор Федорович молчал, но я знала, о чем он думает, и он запросто читал мои мысли. Я дала ему понять, что словесный диалог все-таки лучше мысленного, как-то привычней и живей. Откашлявшись после долгого молчания, он медленно, сипло изрек:

– Когда они взяли власть, невозможно было скрыть, что их финансирует германский Генеральный штаб. Продолжалась мировая война. Ленина открыто называли немецким шпионом.

– К шестнадцатому-семнадцатому году Григория Распутина, царицу, а вслед за ней и царя тоже открыто называли немецкими шпионами, – вспомнила я, кажется, совсем некстати.

Но Федор Федорович оживился и заговорил чуть громче, таким наставительным, учительским тоном:

– Ни Распутин, ни царица, ни тем более царь шпионами не были. Но этот пустой, грязенький миф оказался настолько силен, что сокрушил авторитет монархии, сломал хребет российской государственности. Ленин тоже не был шпионом, но денег брал у немцев много. Сама по себе эта правда никакого значения не имела, однако слухи ползли, ими нельзя было пренебречь, и большевики придумали гениальный ход. Вспомни, какой именно. Это чудесная исто-

рия. В роман ты ее вряд ли возьмешь, но знать и понимать должна обязательно. Она поможет тебе разобраться в том, что ты называешь внутренней механикой событий. Смотри под ноги, тут ступеньки.

Я остановилась, огляделась. Передо мной был спуск в подземный переход через Тверскую. Я стояла одна, в мокром насквозь платье и дрожала от холода. Федор Федорович исчез вместе с Адамом. Я отнеслась к этому вполне спокойно, поскольку знала, что они вернуться, никуда не денутся. Мне хотелось домой, хотелось поскорей принять горячий душ, переодеться в сухое и теплое, выпить чаю.

* * *

Дома меня встретил мой пес Вася, поздоровался, как обычно, и принялся внимательно меня обнюхивать, вылизывать ладонь, тереться ушами о колени.

– Тебе привет от пуделя Адама, – сказала я, – может быть, вы скоро познакомитесь. Он очень милый, доброжелательный и такой же почтенный старик, как ты.

Вася понимающе завилял хвостом.

Я поймала себя на том, что возможность принять обычный горячий душ кажется мне счастьем, драгоценным незаслуженным подарком. Агапкин сказал: «Чтобы понять ту, другую действительность, ты должна оказаться внутри».

Пожалуй, году в восемнадцатом я бы просто сразу простудилась и умерла от воспаления легких. То есть я бы все равно сбежала из великой эпохи, не по идейным соображениям, а по гигиеническим. Я не могу не мыться. Конечно, на фоне кровавых кошмаров и последовавших за кошмарами грандиозных достижений вроде индустриализации, развития тяжелой промышленности, роста благосостояния советских людей это такая мелочь, ерунда, даже говорить неловко, тем более если обещаны золотые унитазы.

Прав Федор Федорович, парадоксы завораживают, гипнотизируют. Как только Ленин пообещал золотые унитазы, обычные, фаянсовые, исчезли. Их сменили выгребные ямы. Туалетной бумагой служили клочья газеты, нанизанные на гвоздь, и между прочим, газеты следовало сначала тщательно просматривать. Я знаю несколько случаев, когда поводом для ареста послужил газетный портрет Сталина, обнаруженный компетентными органами в сортире на гвозде.

– Какая радость, что можно принять горячий душ у себя дома, в чистой красивой ванной комнате, как прекрасно, что есть нормальная туалетная бумага и много, много всего, чего не было раньше. Как чудесно быть чистой, сидеть в тепле, пить чай и знать, что советская власть кончилась. Ведь она правда кончилась? Как ты думаешь? – спросила я Васю.

Вася издал неопределенный жалобный звук, вздохнул и положил мне лапу на колено. Печенье в вазочке было для него интересней советской власти. А я так упорно продолжала о ней думать, что у меня заболела голова.

Чем глубже я погружалась в великую эпоху, тем нереальней она мне казалась. Ее фильмы, тексты ее учебников и беллетристики походили на мифологию какого-то древнего народа, одуревшего от массовых празднеств, каннибализма и человеческих жертвоприношений. Исторические вехи вроде шалаша в заливе, пломбированного вагона, броневика на Финляндском вокзале бесконечно повторялись, размножались, словно гигантская фантастическая тварь метала икру.

Люди великой эпохи до сих пор искренне верят, что жили хорошо, сытно и весело, как показано в сталинских комедиях. Картинки на экране для них достоверней собственной жизни. В психиатрии это называется галлюцинациями памяти, когда воспоминание создается без связи с действительными переживаниями, продукту фантазии придается ценность действительности.

Сегодняшние историки, ныряя в волны великой эпохи, выныривают обновленные, просветленные, с готовыми ответами в зубах.

Главная причина ВОСР и всего, что за ней последовало, в том, что у Ленина был сифилис мозга и дедушка еврей. Один уважаемый профессор, доктор исторических наук посвятил этому пару увесистых томов, снабженных фотографиями лиц и документов, цитатами, богатой библиографией.

Другой, тоже доктор исторических наук, не менее уважаемый, великодушно отводит Ленину роль жертвы, хотя и с сифилисом мозга, и с дедушкой евреем, но все-таки жертвы. Главным виновником доктор считает Якова Михайловича Свердлова, у которого евреем был не только дедушка, но и бабушка, и вообще все родственники. Такая наследственность, по мнению доктора, страшнее сифилиса. Товарищ Свердлов был черный маг, он устроил ВОСР с помощью древних колдовских ритуалов, чтобы погубить Россию. Неопровержимым доказательством версии доктора является привязанность товарища Свердлова к большой черной собаке. Эта собака жила с ним многие годы и служила его магическим оберегом. После ее смерти товарищ Свердлов повсюду возил с собой коврик из ее шкуры.

Третий доктор главным злодеем считает товарища Троцкого. Тут уж не нужно ни сифилиса, ни черной собаки. Довольно одного еврейского происхождения, которое само по себе является неопровержимым доказательством намерения погубить Россию. ВОСР, по мнению третьего доктора, была действительно Великой Октябрьской социалистической революцией, с толпами матросов и рабочих, штурмующих Зимний, как показано в фильме Эйзенштейна. ВОСР несла в себе свободу, равенство и братство, мир хижинам, войну дворцам, землю крестьянам, фабрики рабочим, хлеб голодным и т. д. Коварный злодей Троцкий задумал все испортить, но благороднейший, мудрейший Сталин разоблачил его козни.

Товарищ Сталин спас Россию от неминуемой гибели, успешно провел коллективизацию и индустриализацию, самолично, жертвуя собой, победил Гитлера и превратил нашу бедную отсталую родину в великую мировую державу.

Четвертый доктор, впрочем, нет, всего лишь кандидат исторических наук, нырнул глубже других, и трофеем его стала версия о заговоре остзейских баронов. На самом деле ВОСР подготовило и организовало тайное общество «Балтикум», в него входили представители древних аристократических родов прибалтийских немцев.

Ленин, Троцкий, Сталин и прочие большевики являлись балтийско-баронскими марионетками. Тайное руководство на месте осуществлял Феликс Эдмундович Дзержинский, тесно связанный с баронским кланом. Родная сестра его матери, Елены Игнатьевны, Софья Игнатьевна была женой Адольфа Пилляр фон Пильхау, барона, возглавлявшего «Балтикум».

За последние лет триста у гордых аристократов накопилось много претензий к России и к российским монархам. Претензии передавались из поколения в поколение, наконец созрел и был осуществлен план страшной мести, то есть ВОСР.

Версия молодого кандидата показалась мне настолько смелой и оригинальной, что я не поленилась провести собственное небольшое расследование, познакомилась с биографией и родословной железного Феликса. Тетка действительно у товарища Дзержинского имела и была баронессой, к тому же фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Имелись также и кузены, сыновья баронской четы. Роман Александрович (Ромуальдас-Людвикас Адольфович) Пилляр фон Пильхау, стал видным чекистом. Другой кузен, Генрих Пилляр фон Пильхау, воевал в царской армии, эмигрировал, создал в Германии «Русское объединенное народное движение». Красные повязки, белая свастика в синем квадрате. Назвал себя «фюрером русского народа», Андреем Светозаровым. В итоге был расстрелян на Лубянке в 1937-м.

Никаких следов тайного общества «Балтикум» мне обнаружить не удалось. Впрочем, на то оно и тайное, чтобы не оставлять следов.

Профессоров, докторов и кандидатов исторических наук, нырнувших в темные воды и вынырнувших с ответом в зубах, сегодня десятки, если не сотни. Их книги занимают целые полки в книжных магазинах. Их версии бесконечно многообразны, их отношение к ВОСР и ее вождям варьируется от ненависти до обожания. Но это не важно. Все они существуют в одной фантастической действительности, вдыхают и выдыхают мифы. Вероятно, при глубоком погружении в темные воды великой эпохи организм приспособливается к ее стихии, дыхание меняется на жаберное. В психиатрии это называется остаточным бредом.

– Нет, не кончилась, не кончилась советская власть, – сказала я Васе, перевернув очередную страницу очередного исторического исследования.

Вася громко похлопал ушами, потянулся, облизнулся, улегся ко мне под стол, уложил морду на мои тапочки и уснул. Он похрапывал, совсем как человек.

Я включила компьютер. Роман оживал, дыхание его становилось все глубже и ровней, он существовал не только в голове, но и на кончиках пальцев, которые вполне уверенно плясали по клавишам, и уже не каждый написанный абзац уничтожался. Но что-то постоянно мешало мне, как будто я в темноте натыкалась на стены. Я так увлеклась поисками эликсира, изучением подробностей великой эпохи, что почти перестала слышать свою собственную внутреннюю мелодию, именно поэтому возникали стены в темноте.

Мне стало страшно. Пугали не призраки вождей, не ночные кошмары, не холод, голод и грязь великой эпохи. Я боялась остаточного бреда.

Всякое прикосновение к большевизму чревато интеллектуальной катастрофой. Обличать и клеймить большевизм так же опасно для психического здоровья, как оправдывать и возвеличивать его. С какой бы стороны человек ни ступил в пространство бредовых идей, он рано или поздно начинает бредить. Логика и здравый смысл тут не работают, и сама собой складывается очередная теория заговора, создается образ врага. Я вовсе не уверена в надежности своего иммунитета. Чем я лучше докторов и кандидатов? Наоборот, я хуже, никакой ученой степени не имею, чем больше узнаю, тем меньше понимаю и тем очевидней для меня мизерность моих знаний.

У меня началось то, что я называю «писчим спазмом». Мне перестало нравиться написанное. Больно стукнувшись об очередную стену, уничтожив десятый вариант очередного диалога, я решила последовать совету Федора Федоровича, выяснить подробности истории, которая, по его мнению, могла помочь мне разобраться во внутренней механике событий.

* * *

История эта началась в феврале 1918-го. Главный ее герой, американский журналист Эдгар Сиссон, специальный представитель президента США, сотрудник Американского комитета по общественной информации, действительно был героем в полном смысле этого слова. Он искренне хотел разоблачить грязные плутни большевиков, спасти Россию и весь мир.

О том, что большевистское правительство совершило переворот на немецкие деньги, проехало по воюющей Европе до Петрограда в немецком plombированном вагоне, знали многие.

Инициатива принадлежала международному авантюристу Парвусу, автору идеи «перманентной революции», нажившему солидный капиталец на махинациях с военными поставками. Забавно, что родился этот предприимчивый марксист в 1867-м, и в том же году вышел «Капитал» Маркса. Я не склонна придавать особый таинственный смысл совпадению цифр, но все же эти два события определенно связаны между собой тем гигантским влиянием, которое они оба имели на будущее России. Вот она, очередная загадка причинно-следственных связей. Мизерность причин и грандиозность следствий.

Немцы, поддерживая деньгами самую экстремистскую из политических партий, стремились посеять хаос и таким образом вывести Россию из войны. Парвус стремился хорошо заработать, предложил немцам финансировать партию большевиков. Благословил сделку небезызвестный генерал Эрих Людендорф, серый кардинал германского Генерального штаба. Лично с Парвусом генерал не встречался. Парвус был еврей, а Людендорф антисемит, но их интересы совпадали, и через посредников они легко договорились.

Позднее в своих мемуарах генерал почти весело выдаст, что сам толком не знал, кто такой этот Ульянов-Ленин.

А ведь потом он точно так же «не знал», кто такой Адольф Гитлер. Но это уже другая история.

Итак, факт грязной сделки известен, Ленина открыто называют немецким шпионом, и как справедливо заметил Федор Федорович, этим нельзя было пренебречь. С одной стороны, какое-никакое, а все-таки общественное мнение в России, с другой – Антанта, заплатившая приличные деньги Временному правительству за то, чтобы Россия продолжала воевать с Германией.

Сиссон буквально заболел идеей журналистского расследования, поиска доказательств и спасения человечества.

И вот майор Раймонд Робинс из американской миссии Красного Креста передает именно ему, Сиссону, несколько бумаг для информации и экспертной оценки. В основном это были переводы на английский язык распоряжений и докладов германского Генерального штаба и Министерства финансов, циркуляры Рейхсбанка. Всюду точно указаны даты, инстанции и номера документов. Подписи банковских директоров, офицеров Генштаба, сотрудников спецслужб. Постоянно встречались имена Ленина, Троцкого и других политических вождей.

Сиссон ошеломлен. Из бумаг следовало, что немцы скупают целое революционное правительство. Большевики должны немедленно заключить мир на германо-русском фронте. Это полностью противоречило обязательствам России перед ее союзниками – Англией, Францией и США, означало открытый разрыв союза и являлось изменой державам Антанты.

Однако этих бумаг мало. Нужны более веские доказательства. Сиссон ищет и находит. Ему удивительно везет. Он знакомится с журналистом газеты «Вечернее время» Евгением Семеновым, который имеет возможность достать документы, неопровержимо доказывающие факт грязной сделки между немцами и большевиками. Цену журналист загибает огромную, Сиссон не торгуется.

В это время продолжают долгие нудные переговоры большевистского правительства с немцами в Брест-Литовске. Большевики в своей обычной манере прут напролом, грубо хитрят, не желают платить по счетам. Истинная их позиция формулируется примерно так: сейчас мы возьмем у них еще денег, нам очень нужно. А дальше будет видно, как-нибудь выкрутимся.

Терпение Людендорфа иссякает, ему фокусы большевиков надоели. Он предлагает начать военное наступление на Петроград и свергнуть этих жуликов-вымогателей. Войска 8-го германского армейского корпуса, размещенные в прибалтийских провинциях, получают секретный приказ подготовиться к наступлению в направлении Ревель – Петроград.

Испугавшись грозных намерений Людендорфа, большевистское правительство готовится к переезду в Москву. 3 марта в Брест-Литовске российская делегация подписывает все, что требуют немцы, впрочем, выразив свой гневный большевистский протест.

В Петрограде спешно пакуются чемоданы.

Между Лениным и Троцким в это время происходит такой вот забавный диалог.

«Троцкий: А если немцы двинутся на Москву?»

Ленин: Отступим дальше на восток. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и кузнецкий уголь, на уральский пролетариат и на ту часть

московских и питерских рабочих, которых удастся увезти с собой. Будем держаться. В случае нужды уйдем еще дальше, на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но будем держаться. Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширится и вернемся в Москву и в Петроград».

За достоверность не ручаюсь, цитирую по воспоминаниям Троцкого. Но факт большевистской паники и поспешного, страшно секретного переезда в Москву в начале марта 1918-го общеизвестен.

В Москве безопасней. Кремль – неприступная крепость, остров, окруженный глубокими рвами с водой, надежней дворцов Петрограда. Можно еще добавить, что Кремль – древний сакральный центр России, и тот, кто сумеет там засесть, будет править сколько душе угодно, никакая сила его не скинет. Но я опять не ручаюсь за достоверность, тем более отечественная история много раз опровергала это эзотерическое утверждение.

Итак, запакованные деревянные ящики с правительственными бумагами стоят во дворе Смольного. Ночью люди, нанятые Сиссоном, взламывают те ящики, на которые указал журналист «Вечернего времени» Евгений Семенов.

Свершилось. Наконец Сиссон держит в руках документы, неопровержимо доказывающие факт германо-большевистского заговора. Грязная сделка между Германией и российскими путчистами будет разоблачена. Он убеждает посла в Петрограде Френсиса срочно телеграфировать в Вашингтон полный текст особо секретных бумаг как предварительную информацию для президента Вильсона. Три дня опытный посольский телеграфист передает страницу за страницей.

Наивная мировая общественность должна узнать из уст президента США правду. Немцы финансировали большевистский переворот в России многими миллионами марок, рублей и шведских крон.

Сиссон переживает захватывающие приключения, пока добирается с бесценным грузом домой. Он покидает Россию через Финский залив, ночью в страшную метель, рискуя не только заветным ящиком с документами, но и головой. Через Швецию и Данию он попадает в Лондон. Он уверен, что президент Вильсон и вообще весь мир ждет его с нетерпением, из Лондона запрашивает Государственный департамент США, нельзя ли начать публикацию части документов сию минуту, прямо здесь, в Лондоне.

Департамент отвечает: нельзя.

Сиссон растерян и взбешен. Англичане показывают ему подборку точно таких же документов, недавно полученную ими из Советской России, но то ли от переутомления, то ли от перевозбуждения он ничего не понимает. Не понимает, даже когда англичане объясняют ему, что документы поддельные, подкинута специально, и такие же есть у французов.

В Вашингтоне по настоянию Сиссона проводится еще одна экспертиза. Президент Вильсон лично пытается успокоить бедного Эдгара, уговаривает не публиковать эту ерунду. Но Сиссон не верит даже своему президенту.

Бедный Эдгар заплатил журналисту Семенову не казенные, а собственные доллары. Он проделал такой долгий, опасный путь, рисковал головой, чтобы спасти мир. Он все равно спасет мир, он опубликует чертовы бумаги, под собственную ответственность.

Публикация документов в американской прессе началась осенью 1918 года. Подделка была нарочито груба, ее с удовольствием принялись разоблачать журналисты конкурирующих изданий, разразился веселый скандал, он занимал публику больше, чем реальный факт, скрывающийся за ним. Посадили немцы на российский престол каких-то бандитов, или те сами сели – не важно. Войну Германия все равно проиграла.

Скандал отшумел и забылся. Германия переживала собственную революцию, позорное поражение, унижительный Версальский мир. Страны-победители наслаждались победой. Рос-

сия для них как будто вообще перестала существовать и заодно с Германией была объявлена страной-изгоем, поскольку не выполнила до конца свои союзнические обязательства. Отношение цивилизованных западных стран к большевистскому правительству честнее всего сформулировал Ллойд Джордж немного позже, когда встал вопрос о торговых соглашениях: «*Ну что ж, мы всегда с людоедами торговали*».

Что касается Сиссона, он долго еще не мог успокоиться, оспаривал заключение экспертизы через суд, выпустил книгу, состоящую из тех самых документов и его, Сиссона, пространных комментариев.

У меня в ушах отчетливо прозвучали слова Агапкина: «*Боже мой, как виртуозно они умели использовать именно глупость. Что бы они без нее делали?*»

История эта меня взбодрила. Она была проста и поучительна. Никакой мистики, тайных орденов, черных магов. Нормальные прагматичные люди со своими нормальными насущными интересами. Немцам нужна была победа в войне. Парвусу – деньги. Большевикам – деньги и власть. Для того чтобы взять власть, они воспользовались немецкими деньгами. Для того чтобы удержать ее, придумывали много гениальных жульнических ходов, в том числе и этот.

Разумеется, немецким агентом Ленин никогда не был, никаких специальных заданий германского Генштаба не выполнял, более того, оказался значительно умней, прозорливей Парвуса и Людендорфа. Но деньги брал? Брал! Попробуй поспорь со слухами и пересудами, объясни все тонкости и нюансы. Большевики и не стали ничего объяснять, оправдываться, отрицать реальный факт, наоборот, подтвердили его – фальшивыми документами. С тех пор любой разговор о немецких деньгах и Ленине-шпионе замкнется на фальшивых документах, стало быть, и никакого факта нет.

Все умные, один Эдгар Сиссон дурак, романтический борец за справедливость. Остается только восхититься большевиками, как верно они вычислили нужного человека, как ловко заманили его в ловушку, как точно просчитали психологическую структуру «общественного мнения».

* * *

– Сиссон сам виноват, хотел прославиться, заболел мессианским бредом и получил по заслугам.

Я вздрогнула от неожиданности. Это был голос Федора Федоровича. Мой очевидец сидел на диване, на этот раз опять в старческом обличье, в шапочке-калетке. Адама рядом с ним я не увидела.

– Не стоит нервировать твоего Васю, – объяснил Агапкин.

– Почему? Может, они обрадуются друг другу.

– Еще хуже. Начнется собачья возня, а ты и так без конца отвлекаешься, уничтожаешь собственный текст, слоняешься по квартире, выкуриваешь пачку в день. Сосредоточься, возьми себя в руки.

Меня слегка раздражал его высокомерный назидательный тон, я хотела спросить, по какому праву он так со мной разговаривает? Кто здесь персонаж, кто автор? Однако я сдержалась, из уважения к его возрасту.

– Автор, конечно, ты. Но вместо того чтобы писать, занимаешься всякой ерундой. Выдумала себе «писчий спазм». Это называется ленью и разболтанностью.

Да, я совсем забыла, что он может читать мои мысли, ему не важно, произношу я что-либо вслух или молчу. Но тут уж смолчать я не сумела и сказала довольно жестко:

– Знаете, Федор Федорович, я вам не машина, чтобы выдавать по дюжине страниц в день.

– Ты хотя бы одну страничку выдай, но такую, чтобы не хотелось уничтожить. Я предупредил тебя, как только возникнет тема Кобы, станет очень противно и страшно.

– Нет, его еще нет, – пробормотала я и, оглядевшись, обнаружила, что мой стол завален книгами о Сталине, на обложках его портреты.

– Ладно, успокойся, – сказал Агапкин, – ты запуталась в очередной большевистской фальсификации. То есть уже не просто большевистской, а лично сталинской, что значительно усложняет дело. Ты третий день занимаешься так называемым «письмом полковника Еремина», пытаешься докопаться до правды, хотя отлично понимаешь, что это невозможно и бессмысленно. В роман эта история все равно не войдет, но остановиться ты не можешь.

– Какая разница, сотрудничал Сталин с Охранным отделением или нет? – проворчала я раздраженно. – Довольно того, что он был Сталиным. На фоне всех его кровавых мерзостей стукачество – невинный пустяк.

– Да, это ты верно заметила, – кивнул Федор Федорович, – к тому же каждый второй большевик стучал на своих. По свидетельству жандармского генерала Спиридовича, девять из десяти большевиков сотрудничали с Охраной, прямо или косвенно. Газета «Правда» издавалась на деньги охраны, ее редактор Черномазов был штатным осведомителем.

– Идиллия. Симбиоз, – я встала и принялась расхаживать по своему маленькому кабинету, – интересы Ленина и Белецкого, директора Департамента полиции, полностью совпадали. Ленин мечтал отделаться от меньшевиков, Белецкий стремился расколоть социал-демократов.

Мне хотелось двигаться; казалось, стоит остановиться, и я утону, захлебнусь. Наверное, движение все-таки сумма исчезновений и появлений. Я исчезала, меня затягивало в пространство бреда. Сама собой в голове складывалась очередная теория заговора, и заговорщиками на этот раз выступали офицеры Охранного отделения. Кто лучше них был осведомлен о деятельности и о целях большевиков? Почему, зная так много, они ничего существенного не предпринимали?

– Россия была правовым государством, – ехидно прервал мой внутренний монолог Агапкин, – к тому же отношения между спецслужбами и экстремистскими группами довольно часто представляют собой симбиоз.

– Коба с охранкой все-таки сотрудничал или нет? – спросила я и остановилась у стола. Передо мной лежали фотокопии двух документов.

№ 1

Совершенно секретно

Лично

ЗАВЕДУЮЩИЙ

Особым отделом Департамента Полиции

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину Директору Департамента Полиции

С. П. Белецкому

Милостивый Государь

Степан Петрович!

Административно высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили, будучи арестован в 1906 году, дал Начальнику Тифлисского Г.Ж. (Губернского жандармского) Управления ценные агентурные сведения.

В 1908 году Н-к Бакинского Охранного отделения получает от Джугашвили ряд сведений, а затем по прибытии в Петербург Джугашвили становится агентом Петербургского Охранного отделения.

Работа Джугашвили отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания его в Центральный Комитет Партии в г. Праге Джугашвили по возвращении в Петербург встал в явную оппозицию Правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении.

А. Еремин.

№ 2

М.В.Д.

**ЗАВЕДЫВАЮЩИЙ ОСОБЫМ ОТДЕЛОМ
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ**

12 Июля 1913

№ 2893

Начальнику Енисейского

Охранного Отделения

А.Ф. Железнякову

Совершенно секретно, лично.

Милостивый государь **Алексей Федорович!**

Административно-высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-**Сталин**, будучи арестован в 1906 году, дал Начальнику Тифлисского Г.Ж. Управления ценные агентурные сведения. В 1908 году Н-к Бакинского Охранного Отделения получает от **Сталина** ряд сведений, а затем, по прибытии **Сталина** в Петербург, **Сталин** становится агентом Петербургского Охранного отделения.

Работа **Сталина** отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания **Сталина** в Центральный Комитет Партии в Праге **Сталин** по возвращении в Петербург встал в явную оппозицию Правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, все изложенное на предмете личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении.

А. Еремин

История с письмом, вернее, с двумя письмами, строилась по той же мошеннической схеме: задымление реального факта путем фальсификации подтверждающих его документов. Но все оказалось значительно сложнее и запутанней.

Второе письмо, безусловно, фальшивка, причем нарочито грубая, как бы кричащая о самой себе: «Я фальшивка!» Но и подлинность первого письма сомнительна, хотя выглядит оно более или менее достоверно.

Полковник Еремин Александр Михайлович с 1908 по 1910 год занимал должность начальника Тифлисского Охранного отделения. В январе 1910-го был переведен в Санкт-Петербург и назначен начальником Особого отдела Департамента полиции. В июне 1913-го он сдавал дела, его перевели на должность начальника Финляндского жандармского управления.

Второго июня 1913 года по «Высочайшему Повелению» Коба был выслан на север Сибири в Туруханск, деревушку в низовьях Енисея, на четыре года. Приказ о переводе Еремина был подписан 11 июня 1913-го. Полковник отправил краткий отчет об одном из своих подопечных директору Департамента полиции Белецкому, своему непосредственному начальнику. Логично? Да, наверное. Но в Охране существовали строгие правила работы с агентурой. Запрещалось упоминать в документах имена секретных сотрудников.

По официальной, советской и постсоветской, версии авторство фальшивки № 2 приписывается белоэмигрантам, членам РОВС (Русский Общевоинский Союз). Цель – дискредитировать Сталина. Адресат, ротмистр «Алексей Федорович Железняков», летом 1913 года занимал должность начальника Енисейского розыскного пункта, и звали его Владимиром Федоровичем.

Еремин мог отправить вслед за Кобой сопроводительное письмо с краткой характеристикой? Теоретически – да. Но практически довольно сложно представить, что полковник стал бы информировать ротмистра (чин, равный капитанскому) о таких интимных нюансах сотрудничества очередного ссыльного с Охраной.

Ни полковник – если все-таки он писал, ни добросовестные грамотные фальсификаторы – если они писали, ни за что не допустили бы ошибку в имени адресата. У фальсификаторов имелась возможность уточнить. В библиотеках и архивах за границей можно было свободно получить специальные справочники со списками жандармских офицеров. Для полковника тем более не составило бы проблемы выяснить имя-отчество Железнякова. Старомодное воспитание и военно-бюрократическая пунктуальность ни полковнику, ни фальсификаторам не позволили бы сделать такой дурацкий, хамский ляпсус.

В № 1 псевдонима «Сталин» нет. В № 2 он повторяется шесть раз. Но впервые псевдоним «К. Сталин» появился под трудом «Марксизм и национальный вопрос», в феврале – марте 1913 года. Имелось много других кличек – Коба, Иванович, Василий, Рябой и т. д. В июле 1913 года для полковника Еремина еще никакого Сталина существовать не могло. Фальсификаторы, если они не полные идиоты и не враги себе, обязательно учли бы это.

В № 1 «заведующий», в № 2 – «заведывающий». В официальных документах того времени допустимы были обе формы, но со второй половины 1910-х на всех бланках стали печатать «заведующий».

Для специалистов-экспертов один из главных критериев подлинности художественного произведения или документа – наличие некоторых неточностей, ошибок, помарок, мелких огрехов. Подделка отличается идеальностью, безупречностью в мелочах. Изначальный автор не предполагает, что его творение или просто написанный им документ кто-то станет рассматривать через лупу, придирается к каждой мелочи, искать «блошек». Фальсификаторы ждут именно этого, они аккуратны и педантичны.

В документе № 1 наверняка при желании можно обнаружить какие-то несоответствия, ошибки. Но в любом случае это ошибки случайные, непреднамеренные. Между тем как документ № 2 выглядит нарочитым издевательством. Он сляпан слишком грубо, нагло.

Если бы кто-то действительно решил дискредитировать Сталина, он бы использовал № 1. Ну, а что такое № 2? Кому и зачем понадобился этот идиотский фарс? И кто мог принять его всерьез, поверить в его подлинность?

* * *

Документ № 2 был опубликован в 1956 году одновременно в журнале «Лайф» и в эмигрантской газете «Новое русское слово».

Коба к тому времени существовал в виде мумии № 2, покоился в мавзолее подле мумии № 1. Соседство с Лениным вряд ли его радовало. Но дискуссия, разгоревшаяся после публикации документа № 2, наверняка доставила ему удовольствие и здорово его повеселила.

История эта достойна отдельного романа.

Документ № 2 путешествовал по миру, всплывал в разное время в разных географических точках. Кто-то утверждал, что видел его в Петрограде в 1917-м, и будто бы даже опубликованным в петроградской прессе. Кто-то настаивал, что «письмо Еремина» состряпали русские фашисты на Дальнем Востоке в начале тридцатых, пытались продать его немцам, полякам, англичанам, но никто не купил.

Впрочем, все это лишь слухи. Достоверно известно, что в 1946 году документ № 2 попал в руки американскому советологу Исааку Дон Левину, автору первой биографии Сталина, проделав перед этим долгое, замысловатое и довольно туманное путешествие.

Дон Левин получил злосчастную бумагу от трех русских эмигрантов, людей уважаемых, с безупречной репутацией. Первый – Борис Бахметьев, бывший посол Временного правительства в США. Вторым – известный авиаконструктор, Борис Сергиевский. Третьим – Вадим Макаров, сын погибшего адмирала. По свидетельству самого Дон Левина, этим троим документ передал некий профессор Головачев, эмигрировавший в Китай, а профессору, в свою очередь, продал его бывший жандармский полковник Руссиянов.

Вот тут начинается туманная зона. Руссиянов В. Н. сбежал из России во время Гражданской войны и проживал в Шанхае. В 1913-м он служил в Сибири, был помощником начальника Енисейского розыскного пункта В. Ф. Железнякова.

Мог Руссиянов пропустить ошибку в имени своего начальника? Забыл, как его звали? Это тем более странно, если поверить версии, будто Руссиянов сам состряпал фальшивку. Ну ладно, Руссиянова спросить невозможно, он скончался в Шанхае при загадочных обстоятельствах летом 1938 года.

Существует другая версия. Профессор Головачев был советским агентом в Китае и фальшивку получил из рук начальника Дальневосточного НКВД Г. Люшкова в 1937-м, а Руссиянов тут вообще ни при чем.

До своего назначения на Дальний Восток в июле 1937-го Генрих Люшков, бывший одесский уголовник, служил заместителем начальника Секретного Политического отдела. Подпись его часто встречается под протоколами допросов. Во время подготовки процесса над Каменевым и Зиновьевым Люшков возглавлял группу следователей, занимавшуюся выбиванием показаний, то есть пытками.

Люшков передал документ Головачеву и вскоре, летом 1938-го, сбежал за границу, к японцам. Побег сопровождался довольно шумной кампанией в немецкой, японской и американской прессе.

Что касается Головачева, до революции он был известным петроградским юристом, во время Гражданской войны стал сотрудничать с ЧК. Лично Ленин назначил его помощником министра иностранных дел в правительстве Дальневосточной республики. После падения «правительства» юрист-министр-профессор удрал в Китай. В эмигрантских кругах в Шанхае его считали советским агентом.

Сразу после Второй мировой войны Головачев попросил политического убежища в США и в 1946 году продал «письмо Еремина» трем русским эмигрантам – Бахметьеву, Сергиевскому

и Макарову, не передал, а именно продал, за 15 тысяч долларов, что по тем временам было гигантской суммой.

Туман сгущается. Факты – побег Люшкова, смерть Руссиянова, продажа документа Головачевым – не могут ни подтвердить, ни опровергнуть подлинность «письма», хотя Дон Левин искренне считает профессора Головачева «достойным человеком с безупречной репутацией» и настаивает на том, что «путь, проделанный этим документом, внушает доверие».

Работая над биографией Сталина, Дон Левин почти сразу стал подозревать, что в период с 1901 по 1913-й Коба был тесно связан с Охранным отделением. Иначе как объяснить легкость его побегов, непродолжительность арестов, многочисленные поездки за границу?

Человек с весьма приметной внешностью, объявленный в розыск полицией, живущий на нелегальном положении, по поддельным документам, катается в Финляндию, Швецию, Англию, Австрию, спокойно возвращается, отбывает небольшой срок, сбегает, опять едет за границу.

Беглый каторжник, опасный мятежник при очередном аресте в 1908 году получает мизерный срок – два года, отправляется не в далекую суровую Сибирь, а в Сольвычегодск, в Вологодскую губернию. Это Европейская часть России, совсем не далеко до Москвы и Санкт-Петербурга. Через девять месяцев благополучно сбегает, его опять возвращают туда же, в Сольвычегодск, без ужесточения режима и увеличения срока. И это в тяжелые годы реакции, после революции 1905-го, когда полиция работала особенно рьяно. А если учесть причастность Кобы к знаменитому ограблению банка в Тифлисе в 1907-м, со множеством кровавых жертв, снисходительность сатрапов кажется просто мистикой. Гипнотизировал он их, что ли?

– Конечно, – подал голос Федор Федорович, – завораживал, до сих пор многих завораживает, с того света.

Старик засмеялся. Мне было не до смеха. У меня от выпитого кофе болел живот, от сигарет першило в горле, и глаза слипались. Но я знала, что не сумею уснуть, пока не разберусь в этой истории. То есть, конечно, разобраться в ней невозможно, и все-таки я должна поймать в тумане хотя бы какие-нибудь зыбкие огоньки здравого смысла.

Вместо кофе я заварила зеленый чай.

– По свидетельству Дона Левина, в процессе кропотливых поисков данных об арестах и побегах Кобы он обнаружил тщательное изъятие и истребление всех биографических данных о диктаторе, опубликованных в двадцатых и в начале тридцатых годов, – ласково утешил меня Агапкин, – автор натолкнулся даже на случаи истребления чьей-то рукой данных о прошлом Сталина за тот период в заграничных библиотеках. Из книг вырваны страницы.

– Вот это доказательство кажется мне серьезней любых бумажек, – прошептала я, – сколько людей занималось редактированием его биографии. Сколько денег и сил на это тратилось. Агенты шныряли по миру, внедрялись в архивы, выкупали и крали документы, убивали свидетелей.

– Потом уничтожались эти агенты, поскольку становились свидетелями, – бодро подхватил Агапкин, – убийцы убийц тоже уничтожались, и так до бесконечности. Не осталось ни одного полицейского протокола допросов Кобы. А ведь его обязательно допрашивали при каждом аресте, и не один раз, и протоколы должны бы сохраниться. Но их нет. Во всяком случае, до сих пор никто не находил.

Полноценной биографии так и не появилось, никто из добросовестных исследователей не может ответить на простые вопросы. Например, на какие средства человек, не имеющий работы, дохода, жил, содержал семью?

– Жил он весьма скромно, годами носил одно пальто, одни штаны. А семье помогали родственники жены, – возразила я. – В 1907-м бедная Екатерина умерла, и случилось это именно потому, что не хватало денег на приличного врача.

– Ладно, – кивнул Агапкин, – не берусь спорить, хотя между скромной жизнью и нищетой есть разница. О бытовой неприязнательности Кобы писали многие, но нищим его не называл никто. Однако согласись, что путешествовать бесплатно невозможно. С 1900 до 1913-го он проехал тысячи миль, без конца мотался за границу. Не важно, брал ли он билеты на поезд или переходил границу нелегально, это в любом случае стоит приличных денег, и побеги из ссылок тоже дорогое удовольствие.

– Ну, тут все ясно, – я усмехнулась, – партийные средства.

– Ничего не ясно, – Агапкин сердито помотал головой, – с партийными средствами было туго. Ленин постоянно жаловался на нехватку денег. Вот забавный кусочек из письма А. Богданову: *«Деньги, деньги сюда, зарежьте кого хотите, но давайте деньги»*. Декабрь, 1904. Даже когда они у него были, все равно жаловался. В марте 1912-го большевикам удалось мошенническим путем заполучить значительную часть наследства сумасшедшего студента Шмидта, родственника купцов Морозовых. И вот Ленин пишет Орджоникидзе: *«С деньгами плохо... От немцев отказ»*. Таких цитат я тебе найду множество. Владимир Ильич был патологически жадный, настоящий Плюшкин! Мама ему аккуратно высылала часть своей вдовой пенсии, пока не умерла. Всему своему окружению он упорно внушал, что они с Надеждой Константиновной на грани краха и голодной смерти. Редко возвращал долги, не любил этого делать, уверял, что «забыл», хотя при его пунктуальности это вряд ли возможно. Коба в те годы был слишком незаметной и непопулярной фигурой, чтобы его расходы щедро оплачивались из партийных фондов!

– Как же незаметной! А знаменитые «экссы»? Ленин за то и ценил его, что он добывал деньги.

– Да? Ты уверена? – Федор Федорович прищурился. – А ты знаешь, что в результате самого известного и кровавого «экса», ограбления в Тифлисе в 1907-м, большевикам не досталось практически ничего? Купюры оказались мечеными, номера их были заранее переписаны, и любая попытка разменять эти деньги за границей, а тем более в России, заканчивалась арестом!

– То есть не исключено, что тифлисский «экс» был провокацией охранки?

– Никто никогда не узнает, – быстро проговорил Агапкин и отвернулся, – но я убежден: Белецкому и компании было что скрывать, и в этом их интересы счастливо совпадали с интересами скромника Кобы. Вполне возможно, факт причастности Кобы к кровавой бойне в Тифлисе объясняет внутреннюю дезинфекцию полицейских документов, связанных с ним.

– Не поняла, поясните. Что значит «внутренняя дезинфекция»?

– После Тифлиса Коба должен был сесть надолго и всерьез. Но он был ценным источником информации. К тому же он мог сам располагать опасной информацией о причастности охранки к тифлисскому ограблению, и это стало основой сделки между Кобой и Ереминым. Полковник Еремин рисковал карьерой, покрывая уголовника, и потому старался, чтобы ни имя, ни кличка этого агента не всплывали в официальных бумагах. Вот тебе и «внутренняя дезинфекция». В агентурной работе вообще много всего темного, незаконного. Пожалуйста, скандал с Азефом, убийство Столыпина эсером Богровым, который оказался агентом охранки. Чего стоит внедрение в Думу в качестве депутата от фракции большевиков трижды судимого уголовника, штатного агента охранки Романа Малиновского?!

* * *

Малиновский! Как же я забыла о нем? Вот кто мог бы многое рассказать. При всем обилии штатных и внештатных осведомителей, внедренных к большевикам, этот был самый интересный прежде всего потому, что Коба дружил с ним и переписывался, по его рекомендации вошел в состав ЦК.

Роман Вацлавович Малиновский, лудильщик по профессии, уголовник по призванию, имел три судимости – две за вооруженный грабеж, одну за изнасилование и, несмотря на это, в октябре 1912 года стал депутатом Думы.

Лудильщик-уголовник был гордостью Охранного отделения, получал 500 рублей в месяц. И Ленин гордился им, говорил о нем «хороший малый и не интеллигент», называл «нашим русским Августом Бебелем». А после избрания «хорошего малого» в Думу заявил: *«В первый раз у нас есть выдающийся рабочий-лидер среди наших в Думе».*

Ленин высылал Малиновскому из Кракова речи, тот нес их Белецкому для проверки и редактуры и зачитывал с думской трибуны. Настоящее сотворчество, идиллия.

С Кобой они во многом схожи. Оба инородцы. Малиновский поляк, Коба грузин. Оба говорили по-русски с акцентом. У обоих лица были сильно побиты оспой и глаза желтые. Но глаза Малиновского бегали, а у Кобы был застывший тяжелый взгляд. Малиновский отличался высоким ростом, богатырским телосложением, при этом постоянно суетился, шумел, чем весьма утомлял собеседников. Маленький, шуплый Коба, наоборот, в движениях был скуп, беззвучен и сдержан, говорил спокойно, негромко, впрочем, тоже утомлял собеседников какой-то хищной вкрадчивостью, мрачностью, тяжестью.

В секретных докладах охраны Роман Вацлавович появился в 1906-м под кличкой «Эрнст». Вначале он работал «штучником», то есть внештатно, и гонорары получал сдельно, за каждый донос от 25 до 50 рублей. Как только у соратников возникали подозрения, «Эрнста» арестовывали на пару месяцев, потом выпускали.

В 1909-м вспыхнул скандал из-за разоблачения легендарного двойного агента Евно Азефа. В охране начались чистки агентуры, Романа Вацлавовича уволили. В 1910-м он вновь стал сотрудничать, уже на постоянном окладе, 100 рублей в месяц. Трудился на совесть, за год настроил около 60 доносов, подписывался кличкой «Портной».

По закону о выборах кандидату в Думу необходимо было представить свидетельство о том, что он не подвергался преследованию по уголовным делам. Без помощи Белецкого тут не обошлось. Думец Малиновский в документах охраны фигурировал под кличкой «Икс».

Любопытно, что Ленин, юрист по образованию, как будто вовсе не обратил внимания на странную легкость, с которой удалось Малиновскому скрыть три судимости по нешуточным статьям и с триумфом пройти в Думу. Впрочем, он мог и не знать о судимостях. Владимир Ильич в таких вопросах не отличался щепетильностью.

Позже, когда служба Малиновского в охране стала общеизвестным фактом, Ленин сохранил с ним теплые дружеские отношения, переписывался, называл «политически честным человеком» и утверждал, что «легенда о его провокаторстве создана сознательными клеветниками». Накануне Февральской революции в женевском «Социал-демократе» (№ 58 от 31 января 1917 г.) по поводу дела Малиновского заявил:

«Комиссия допросила ряд свидетелей и самого Малиновского, собрала письменные показания целого ряда товарищей, составивших много сот страниц, установила неприглядную роль определенных лиц в распространении неверных слухов. Комиссия пришла к единогласному убеждению, что обвинения в провокации абсолютно вздорны».

Вероятнее всего, Владимир Ильич с самого начала был осведомлен о службе Романа Вацлавовича в охране и не видел в этом ничего плохого. Именно Малиновского, человека компетентного в вопросах стукачества, мудрый вождь назначил главой комитета по охране партии от агентов охраны. Очевидно, что польза, которую приносил партии большевик Малиновский, с лихвой компенсировала вред от работы агента «Икс».

В январе 1914-го Белецкий получил должность сенатора и покинул пост директора Департамента полиции. Малиновский лишился высокого покровительства, о его службе в охране и о скрытых судимостях сначала ходили смутные слухи в думских кулуарах, потом

факты вскрылись на официальном уровне, и Романа Вацлавовича со скандалом изгнали из Думы. Летом, перед началом войны, он уехал в Германию, там вскоре был арестован как русский подданный и помещен в лагерь военнопленных. Крупская отправляла ему посылки с теплым бельем и продуктами. Роман Вацлавович не падал духом, переписывался с Лениным, познакомился с Парвусом, распространял большевистскую газету «В плену» и вел активную пораженческую агитацию.

Осенью 1918-го, уже полностью разоблаченный, исключенный из партии, заочно осужденный и приговоренный к расстрелу, Малиновский вернулся из Германии в Россию.

Это его возвращение весьма загадочно. Может, теплые личные отношения с Лениным стали для него гарантией собственной безопасности? Или совесть замучила? Роман Вацлавович был человеком хитрым, осторожным и вряд ли страдал угрызениями совести. О теплых отношениях с Лениным речи уже не шло. Вождь под давлением фактов и общественного мнения признал бывшего своего соратника провокатором и отрекся от него.

Кто же позвал его домой, кто дал гарантии неприкосновенности?

Осенью 1918-го Коба вряд ли мог вообразить масштабы своей будущей власти. Это в тридцатых у него имелась возможность дотянуться до любого человека и документа в любой точке Земного шара. Но в 1918-м Малиновский за границей представлял для него потенциальную опасность. И вполне логично предположить, что именно Коба сделал все от него зависящее, чтобы вернуть «Портного-Икс» в Россию и уничтожить, законно, по приговору Ревтрибунала. «Здравствуй, дружище», – так Коба обращался к Малиновскому в письмах.

«Здравствуй, дружище, я тебя прикрою, только ты все отрицай». Примерно так он мог написать ему или передать через кого-то устно.

В сохранившихся протоколах допросов Роман Вацлавович, как настоящий верный «дружище», упорно отрицает и замалчивает все, что касается его контактов с Кобой: переписку, встречи, зафиксированные документально.

В ноябре по приговору Ревтрибунала Малиновского расстреливают. Вместе с ним расстреливают С. П. Белецкого, который не успел сбежать и смиренно ждал своего часа в тюрьме. Таким образом уважаемый Степан Петрович сумел убедиться, что значит симбиоз спецслужб с экстремистскими группами и как работает удобная универсальная схема, когда спецслужбы сами выращивают монстра, чтобы влиять на правительство.

Факт не то что близкой дружбы, но и просто знакомства Кобы и Малиновского замалчивался советской историографией многие годы. Имя Малиновского было аккуратно изъято из всех собраний сочинений Ленина и прочей партийной литературы. Даже после смерти Сталина идеологически грамотные специалисты предпочитали не упоминать о «нашем русском Августе Бебеле».

Сохранилось сталинское письмецо к Малиновскому из Вены (1913 г.): *«Здравствуй, дружище! Я пока сижу в Вене и пишу всякую ерунду...»* Это забавно перекликается с известным письмом Ленина Горькому: *«Тут у нас один чудесный грузин засел и строчит...»*

Речь идет о первом фундаментальном труде товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

В конце семидесятых письмо Кобы к Малиновскому обнаружил в закрытых архивах писатель Юрий Трифонов. Мне попалось несколько ссылок и коротких цитат. Наконец удалось найти полный текст в сборнике Юрия Трифонова «Исчезновение» (М.: Моск. рабочий, 1988).

Не могу удержаться, привожу этот эпистолярный шедевр целиком. Письмо сопровождается официальной справкой начальника Енисейского жандармского управления полковника Бойкова:

«4 января 1914 г. Г. Красноярск. Совершенно секретно.»

Представляя при сем агентурные сведения за № 578, имею честь донести Вашему Превосходительству, что автором таковых является гласнонадзорный Туруханского края Иосиф Виссарионов Джугаишвили. Адресат таковых член думской фракции с.-д. Роман Вацлавович Малиновский. Меры по недопущению побега Джугаишвили мною приняты. В Томск и С.-Петербург сообщено за номерами 13, 14. Полковник Бойков».

«Копия письма, полученного агентурным путем. Адрес на конверте: С.-Петербург, Таврический дворец, Государственная дума. Члену Госуд. думы Роману Вацлавовичу Малиновскому.

От Иосифа Джугаишвили.

Конец ноября. Здравствуй, друг. Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов мороза), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахара, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одевание с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 коп. фунт, керосин 15 коп., мясо 18 коп., сахар 25 коп. Нужно молоко, нужны дрова, но деньги... нет денег, нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе – и к Петровскому, и к Бадаеву.

Моя просьба состоит в том, что если у соц. – дем. фракции до сих пор остается “фонд репрессивных”, пусть она, фракция, или лучшее бюро фракции выдаст мне единственную помощь хотя бы руб. 60. Передай мою просьбу Чхеидзе и скажи, что и его также прошу принять близко к сердцу мою просьбу, прошу его не только как земляка, но главным образом как председателя фракции. Если же нет больше такого фонда, то м.б. вы все сообща выдумаете что-нибудь подходящее. Понимаю, что вам всем, а тебе особенно, никогда нет времени, но черт меня дери, не к кому больше обратиться, а околеть здесь, не написав даже одного письма тебе, не хочется. Дело это надо устроить сегодня же и деньги переслать по телеграфу, потому ждать дальше – значит голодать, а я и так истощен и болен. Мой адрес знаешь: Туруханский край, Енисейская губ., деревня Костино, Иосифу Джугаишвили. Далее. Мне пишет Зиновьев, что статьи по “национальному вопросу” выйдут отдельной брошюрой. Ты ничего не знаешь об этом? Дело в том, что если это верно, то следовало бы добавить к статьям одну главу (это я мог бы сделать за несколько дней, если только дадите знать), а затем надеюсь (вправе надеяться), что будет гонорар (в этом злосчастном крае, где нет ничего, кроме рыбы, деньги нужны как воздух). Я надеюсь, что ты в случае чего постоишь за меня и выхлопочешь гонорар... Ну-с, жду от тебя просимого и крепко жму руку, целую, черт меня дери... Привет Стефаниш, ребятам. Привет Бадаеву, Петровскому, Самойлову, Шагову, Миронову. Неужели мне суждено здесь прозябать 4 года?.. Твой Иосиф.

Только что узнал, что, кажется, в конце августа Бадаевым пересланы для меня в Ворогово (Енисейский уезд) не то 20, не то 25 рублей. Сообщаю, что я их не получил еще и, должно быть, не получу до весны. За все свое пребывание в туруханской ссылке получил всего 44 руб. из-за границы и 25 руб. от Петровского. Большие я ничего не получил. Иосиф».

На копии рукою Трифонова написано: «Это письмо можно долго и сладостно комментировать, но нет места и нет времени, пусть этим займутся другие, когда-нибудь».

Я не могу комментировать. Я почти рыдаю. Мне его жалко. Вопреки всему, что я знаю о нем, мне жалко его. И не потому, что он кашляет и голодает при морозе тридцать семь градусов. Известно, что сибирские морозы пошли ему на пользу, он окреп, вылечился от туберкулеза в этой долгой ссылке. И не голодал он вовсе, деньги ему присылали постоянно Аллилу-

евы, Зиновьев (ему он тоже писал в Краков: *«Я болен. Надо поправляться. Пришлите денег»*). Кроме денег он получал посылки с теплой одеждой, бельем, книгами.

Мне жалко его потому, что в этом письме он жалуется, хнычет, клянчит денег, то есть звучит простенькая, вполне человеческая мелодия. Никаких партийных вопросов. Молоко, дрова, хлеб. Чуть-чуть грубоватой иронии. Коба не корчит из себя пламенного борца, верного большевика-ленинца-марксиста-коммуниста. Кажется, они с Романом Вацлавовичем друг перед другом не выпендривались, и отношения между ними были действительно близкие, доверительные.

Впрочем, несмотря на нытье в письмах, жилось Кобе в Туруханском крае не так уж скучно и скверно. Он охотился, рыбачил, пил, пел и плясал на деревенских вечеринках. Сохранились воспоминания местных старожилов:

«Был Иосиф Виссарионович веселым. Как только соберут вечеринку, так и приглашают, и везде он участвовал. Ходит, бывало, по берегу и поет:

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хорошо, хорошо.

А голос у него хороший. Петра моего учил плясать. Снимет свои сапоги и скажет: “Ну-ка, Петя, попляши у меня”».

Пел и плясал наш генералиссимус отменно. Дружил с уголовниками, которые его уважали и величали Оськой Корявым. К этим нехитрым забавам прибавился роман с местной девицей, Лидией Платоновной Перепрыгиной, которой от роду было четырнадцать лет. Она от него сыночка родила, Александра.

В течение трех десятилетий его всевластия мощная машина пропаганды ввинчивала в мозги советских людей образ вождя аскета, скромника, келейника в поношенной полувоенной одежде. С юности по сей день он круглосуточно бдит и жертвует собой во имя торжества марксистско-ленинских идей, могущества социалистического государства, благосостояния советского народа, счастья и мира в каждой советской семье.

Утешительную правду о том, что генералиссимус был «настоящим мужиком» и баб и девок употреблял в полное свое удовольствие, дозволялось знать лишь избранным. Подробности этих его побед шепотком смаковали в элитных цековских баньках постсталинские «настоящие мужики».

В предыдущей ссылке, в Сольвычегодске, генералиссимус пленил сразу несколько женских сердец, в том числе сердце молодой вдовы Матрены Кузаковой. Вдова родила ему сына Константина. Почему-то именно это свое незаконное чадо генералиссимус многие годы тайно поддерживал. Товарищ Кузаков занимал потом высокий пост на советском телевидении, отличался начальственной пафосной мрачностью и пугающим сходством с покойным папашей.

В Курейке из-за Перепрыгиной случались конфликты с жандармом Лалетиным. Сатрап часто без стука, без предупреждения наведывался к ссыльному Оське Корявому и заставлял его в разгаре любовных утех с девочкой-подростком. Иногда доходило до драки. Жандарм грозил привлечь Оську Корявого к уголовной ответственности за сожительство с несовершеннолетней. В итоге, чтобы сатрап отвязался, Оська пообещал жениться на совращенной девице, как только она достигнет совершеннолетия. Сатрап поверил. Лидия Перепрыгина, вероятно, тоже поверила. Оська Корявый на всякий случай настроил на сатрапа жалобу в высшие инстанции, потребовал заменить этого стражника другим, более тактичным. Высшие инстанции откликнулись, Лалетина заменили на некоего Мерзлякова, который в избу к Оське не заглядывал.

Сыну Александру и его матери генералиссимус почему-то никогда не помогал.

В 1924-м вдова Я. М. Свердлова, Клавдия Новгородцева, готовила к печати книгу, состоявшую из писем и воспоминаний покойного мужа о совместном пребывании в ссылке в Туруханском крае со Сталиным. Книга так и не вышла. От писем и воспоминаний Свердлова остались только маленькие отрывочные цитатки, из которых видно, насколько неприятны были друг другу эти два ссыльных большевика-ленинца.

Просьбами прислать денег Оська Корявый постоянно донимал партийную братву, интонация менялась, но суть оставалась: хочу денег!

Нет, пожалуй, мне его не жалко. Беру назад и свои слова, и внезапное случайное чувство. Вот как писал он в заграничный большевистский центр:

«Спрашиваете о моих финансовых делах. Могу вам сказать, что ни в одной ссылке не приходилось жить так незavidно, как здесь. А почему вы об этом спрашиваете? Не завелись ли у вас случайно денежки и не думаете ли вы поделиться ими со мной? Что ж, валяйте! Клянусь собакой, это было бы как нельзя кстати...»

Ленин клянчил деньги, Коба клянчил. Сколько ни дай – мало, мало, подавай все деньги, все чужое имущество, подавай абсолютную власть, над всем живым, над жизнью и смертью, над телами и душами. Великие вожди похожи на старуху из сказки о рыбаке и рыбке. Не случайно умница Надежда Константиновна так не любила эту пушкинскую сказку, утверждала, что *«там, внутри простенького сюжета спрятана очень вредная мораль, она имеет мало общего с моралью коммунистической»*, и повелела убрать сказку из детских книжек.

В конце послания Оськи Корявого в большевистский центр я обнаружила поразительный абзац:

«Не пришлете ли чего-нибудь интересного на французском и английском языке? Хотя бы по тому же национальному вопросу. Был бы очень благодарен. На этом кончаю. Желаю вам всем всего-всего хорошего. Ваш Джугашвили».

* * *

О том, что серый необразованный Коба не владел ни одним иностранным языком, не раз, весьма язвительно и с удовольствием, писал Троцкий. Позже выяснилось, что Оська Корявый вполне сносно владел немецким, в Сольвычегодске не только баловался с молодой вдовой, но переводил с немецкого книгу Розы Люксембург, читал Гете в подлиннике. Оказывается, и по-французски, и по-английски наш генералиссимус тоже понимал? Во всяком случае, мог читать *«хотя бы по тому же национальному вопросу»*.

Большинству нормальных людей свойственно гордиться своими знаниями, образованием, ну, хотя бы не скрывать их. Оська Корявый, заботившийся о своем возвеличении до небес, претендующий на звание Главного Бога, Отца всех времен и народов, в отношении знаний иностранных языков почему-то скромничал.

– *«Маленький, тщедушный, какой-то ущербный, одет в косоворотку с чужого плеча, на голове нелепая турецкая феска».*

Я думала, старик Агапкин давно уснул на моем диване, но нет, он глядел на меня своими хитрыми, молодо блестящими глазами и подал реплику вполне кстати.

– Это вы кого цитируете? – спросила я.

– Не помню, – он пожал тощими плечами, – а вот еще, послушай. *«Коба оставил после себя сильное ощущение чего-то ненормального, чего-то странного в его словах, движениях, манерах: сухого, бессердечного и бездушного робота в человеческом облике, стремящегося что-то разрушить только для того, чтобы чем-то это заменить».* Это отзыв некоего Арсенидзе, кавказского революционера.

– Значит, все-таки что-то сохранилось, несмотря на его старания? – спросила я.

– Сохранилась всякая ерунда. – Агапкин поморщился и махнул рукой. – Вот сейчас сосредоточься и слушай. Есть несколько гениальных мошеннических фокусов большевиков, которые достойны внимания. История с немецкими деньгами загадкой уже не является, но позволяет понять, каким образом действовали большевики в борьбе с реальностью. История с письмом Еремина содержит в себе настоящую загадку. Вопрос формулируется просто, и ты его уже несколько раз повторяла: был Сталин агентом охраны или нет? Точного ответа не существует.

– Погодите, но вы сами сказали, он безусловно был с охранкой связан!

– Докажи! Предъяви бумагу!

– Бумаги уничтожены, он позаботился, чтобы их не осталось, но есть простая логика, здравый смысл, наконец, свидетельства!

– Какие такие свидетельства? Чьи? Проклятых меньшевиков? Врагов, завистников? Бумагу покажи!

– Вы издеваетесь?

– Не я! Он! Оська Корявый! До сих пор издевается!

Мы так раскричались, что проснулся Вася, рыкнул сердито, вылез из-под стола, стал потягиваться и хлопать ушами. Он просился гулять. Я обрадовалась возможности немного отдохнуть от своего очевидца, оделась, пристегнула поводок.

* * *

В лифте у Васи всегда случался приступ нежности. Он терся головой о мои колени, тыкался носом в ладонь, колотил хвостом по пластиковой стенке, как барабанщик. Я сразу забыла об Оське Корявом, о письме Еремина, гладила шелковистую собачью голову и не чувствовала ничего, кроме тихого, простого собачьего счастья оттого, что мы вместе идем гулять, и пустой двор освещен мягким лунным светом, и в кармане у меня спрятана сушка, которую Вася получит только на обратном пути, когда сделает свои дела.

Он долго вынюхивал подходящее место, я тянула его подальше от детской площадки, от песочницы, мы немного, вполне мирно, поспорили, наконец он встал в позу, в которой напоминал небольшого кенгуру.

Для него эти моменты были полны внутреннего смысла, морда приобретала глубокомысленное философское выражение. Он даже забывал о сушке в моем кармане. Впрочем, как только мы стали возвращаться домой, он тут же ее потребовал, получил и принялся громко хрустеть, глядя на меня снизу вверх и всем своим видом показывая, как ему вкусно, как он любит сушки.

В квартире напротив недавно поселились новые соседи, очень странные люди, пожилая холеная женщина и весьма задрипанный молодой человек. Странно было то, что они ни шагу не ступали без охраны. На лестничной площадке постоянно обитали двое или трое высоких мускулистых мужчин с аккуратно подбритыми затылками. Когда мы с Васей шли гулять, никого не было. Я подумала, что соседи уехали, и слава богу.

На обратном пути я заглянула в почтовый ящик, вызвала лифт. Вася требовал еще сушку, погрузил нос в карман моей куртки и многозначительно сопел. Лифт остановился, двери открылись, и в следующее мгновение на Васю набросилось чудовище. Оно двигалось легко и бесшумно, как призрак. Ни рыка, ни цоканья когтей по кафельному полу лестничной площадки. Тишина. Гигантский кобель редкой бойцовской породы, короткошерстный, серый, со стальным отливом, пятьдесят килограммов мышц, костей и невероятной злобы, прыгнул на моего старенького добродушного сеттера так стремительно и неожиданно, словно свалился с потолка.

До сих пор не понимаю, как мне удалось перекинуть ногу и коленом оттолкнуть от Васиного горла мощную стальную башку со страшной оскаленной пастью. Хорошо, что я была в плотных джинсах. Хорошо, что на моем месте не оказались мои дети. Правой рукой я все еще держала Васин поводок, левой пыталась нащупать ошейник на загривке чудовища, чтобы оттащить подальше от горла. Но ошейника не было, только складки толстой шкуры, короткая, жесткая, как стальная проволока, шерсть.

Все это продолжалось не больше минуты. Из приоткрытой двери квартиры напротив явились охранники, оттащили чудовище. Мы с Васей шмыгнули домой, я заперла дверь. Нас обоих трясло. Я обнаружила небольшую кровоточащую ранку возле хвоста. Чудовищу все-таки удалось укусить Васю в самое нежное место.

Странные соседи звонили в дверь, извинялись, предлагали прислать ветеринара. Я отказалась, промыла ранку перекисью, залила зеленкой, выпила валерианки с пустырником и дала пару успокоительных таблеток Васе в куске колбасы.

Наконец мы немного пришли в себя, я села за стол, Вася забился под стол, заснул, прижавшись к моим ногам, но и во сне поскуливал, дрожал.

– Ты видела его глаза? – вкрадчиво спросил Агапкин.

Оказывается, все это время мой очевидец преспокойно сидел на диване.

– Мне было не до его глаз. Он чуть не вцепился Васе в горло, – раздраженно ответила я и включила компьютер.

– И все-таки ты успела заглянуть ему в глаза. Что в них?

Я хотела сказать: злоба. Но это было бы неправдой. Может, тупость? Хитрость? Холод? Да, пожалуй, холод, какая-то ледяная туманность, бессмысленность взгляда. Ничего живого, никакого собственного, личностного выражения. Пустота.

– Люди сделали его таким, – произнесла я растерянно, – вывели специальную породу, машину для убийства.

– Правильно. Где тут логика и здравый смысл? Ну, что молчишь? Тебе привет от Оськи Корявого. В такие машины для убийства он превращал людей. Выводил новую породу, дрессировал, и в результате этой дрессуры живой организм становился управляемым механизмом.

– Зачем?

– А просто так. Ни зачем. Вот он, ключ к пониманию зла. Тайна в том, что нет никакой тайны. Пустота. Ничто, претендующее стать всем. Но разумному, нормальному человеку трудно с этим смириться, вот он и ковыряется в бумажках, ищет объяснений, доказательств, логики, здравого смысла, прагматических целей. Ладно, ты, я вижу, совсем сникла, загрустила. Давай вернемся к письму Еремина. Десять лет Исаак Дон Левин тщательно, самоотверженно проверял подлинность документа. И в 1956-м решился опубликовать. В журнале «Лайф», в газете «Новое русское слово» разразилась отчаянная полемика.

* * *

Одно только чтение этой полемики заняло сутки. Писали старые эмигранты, молодые советологи, специалисты по пишущим машинкам, архивисты, историки, бывшие меньшевики и жандармские офицеры, законспирированные советские агенты и агенты-перебежчики. Ковырялись в каждой фразе, в каждом слове.

«Полковник должен обращаться к ротмистру “ваши благородие”, а не “милостивый государь”!»

«Да!»

«Нет!»

«Ни в коем случае!»

«Так и только так!»

«Нет, не так, совсем по-другому!»

«Существовало Енисейское охранное отделение в 1913 году, или это называлось “Енисейский розыскной пункт”?»

«Конечно, существовало!»

«Нет, не существовало! Я точно помню!»

«Ничего вы не помните!»

«Гриф “совершенно секретно, лично” не предполагает наличие исходящего номера».

«Еще как предполагает!»

«Нет! Никакого номера быть не может!»

«Обязательно должен стоять номер!»

Обсуждали закорючку в подписи Еремина. Ради этой закорючки Дон Левин специально съездил в Париж, где жил старый жандармский генерал Спиридович. Он считался специалистом по большевикам, он даже книжку написал под названием «История большевизма в России от возникновения до захвата власти». Увидев документ, старый генерал прослезился, вытащил большой серебряный кубок, который подарили ему сослуживцы-жандармы. На кубке, в числе прочих, была выгравирована подпись Еремина. Она вроде бы совпадала с закорючкой на документе. Дон Левин сердечно поблагодарил генерала и помог ему сделать американскую визу.

Полемика долго не затихала, набирала обороты. Профессор Головачев тоже не остался в стороне, заявил, что документ, безусловно, подлинный, он, Головачев, купил его за 15 тысяч у Руссиянова, самолично провел тщательную экспертизу. Как юрист и честный человек, он не стал бы торговать фальшивкой. Он пообещал в ближайшее время представить неопровержимые доказательства подлинности. Но так никогда и не представил.

Подкомитет сената США по внутренней безопасности посвятил несколько сессий рассмотрению вопроса об участии советской разведки в дискредитации «письма Еремина».

Но дело было, конечно, не только в письме. Вместе с ним «Лайф» поместил статью Александра Орлова, бывшего резидента советской разведки в Испании. «Сенсационная подоплека осуждения Сталина». Публикация сопровождалась комментарием редакции: «Экс-генерал НКВД наконец-то может раскрыть потрясающие факты, заставившие красных отречься от своего прежнего идола».

В 1938-м Орлов сбежал вместе с женой и дочерью, попросил политического убежища в Канаде, потом переехал в США. Сразу после смерти Сталина, в 1953-м, вышла книга Орлова «Тайная история сталинских преступлений». В ней он сообщил, будто ему известно «из абсолютно несомненного и достоверного источника, что дело маршала Тухачевского было связано с самым ужасным секретом, который, будучи раскрыт, бросит свет на многое, кажущееся непостижимым в сталинском поведении».

Заинтригованные читатели, в основном русские эмигранты, решили, что речь идет о психической болезни. Сталин был сумасшедший, этим все объясняется.

Но Орлов имел в виду нечто другое. «Ужасный секрет» он решился раскрыть лишь в 1956-м, после знаменитого доклада Хрущева.

* * *

Александр Орлов узнал секрет давно, еще в феврале 1937-го, от своего двоюродного брата Зиновия Борисовича Кацнельсона.

Зиновий Борисович был комиссаром госбезопасности второго ранга, заместителем наркома НКВД Украины. Кузены встретились в Париже. Зиновий рассказал Александру, что в

старых полицейских архивах некий сотрудник НКВД по фамилии Штейн случайно наткнулся на «изящную папку», когда-то принадлежавшую заместителю директора Департамента полиции Виссарионову.

Раскрыв папку, Штейн увидел анкету с прикрепленной к ней фотографией молодого Сталина.

Штейн обрадовался, разволновался, хотел сразу побежать к товарищу Ежову, доложить, что нашлись неизвестные документы, повествующие о подвигах великого вождя в большевистском подполье. Но все-таки решил сначала почитать, и радость сменилась ужасом. У него в руках была бомба. Доносы, расписки в получении денег. Штейн отлично знал этот почерк. Из документов следовало, что великий вождь в годы героической молодости был агентом-provocатором.

Спрятав папку-бомбу в укромном месте в своем кабинете, Штейн несколько дней думал, что делать. Наконец придумал. Полетел в Киев, показал папку надежному человеку, своему давнему близкому другу В. Балицкому, руководителю НКВД Украины, влиятельному члену ЦК.

Потрясенный Балицкий позвал к себе Зиновия Кацнельсона. Уже втроем они внимательно изучили содержимое папки, провели необходимые экспертизы, установили возраст бумаги и окончательно удостоверились в идентичности почерка.

Затем в круг посвященных вошли командарм Якир, командующий украинскими вооруженными силами, и член Политбюро Косиор.

Якир полетел в Москву, рассказал о папке Тухачевскому, Тухачевский – заместителю наркома обороны Гамарнику, Гамарник – Корку.

При всей серьезности и трагичности этой истории она напоминает мне старинную немецкую сказку «Гусь, гусь, приклеюсь, как возьмусь». До сих пор неизвестно, существовала ли эта папка-«гусь», к которой приклеивались один за другим высокопоставленные сталинские функционеры, офицеры НКВД, маршалы и генералы. Все они вскоре погибли.

В 1937-м в Париже Зиновий Кацнельсон рассказал Александру Орлову о готовящемся заговоре и попросил в случае провала позаботиться о его трехлетней дочери. Больше кузены никогда не виделись.

В статье, опубликованной в «Лайфе», Орлов утверждал, будто именно папка, найденная Штейном, является истинной причиной так называемого «заговора генералов». Более того, по его мнению, разоблачение культа личности, доклад Хрущева и все прочие события, следовавшие за смертью Сталина, объясняются тем, что верхушке ЦК стало известно темное прошлое Великого Вождя и они решили поскорей отречься от презренного предателя. Собственно, этим же темным прошлым, страхом разоблачения Орлов, а вместе с ним и некоторые нынешние историки пытаются объяснить все убийства, индивидуальные и массовые, репрессии, чистки, показательные процессы. Коба боялся, что всплывет правда о его сотрудничестве с охранкой, охотился за папкой и каждого, кто мог быть посвящен в тайну, уничтожал.

– Сколько миллионов погибло?

Не знаю, вслух или про себя я произнесла этот вопрос, но тут же прозвучал ответ Агапкина:

– Смотря кто считает, кого и как считает. Ты хочешь услышать впечатляющую цифру? Изволь. Десять миллионов. Двадцать. По другим данным – пятьдесят. А некоторые исследователи говорят о восьмидесяти миллионах. Точной статистики не существует. Погибали не только заключенные. Погибали ссыльные, переселенцы. Сотни тысяч умирали от голода, холода, из-за скудости, грязи, эпидемий. Ну, что тебе эти цифры?

– Ничего, – прошептала я, – ничего они не значат, цифры. Ими удобно манипулировать.

– Вот именно, – кивнул Агапкин, – манипулировать. Цифры, как и бумажки, создают иллюзию достоверности, логичности, и многие попадают в эту ловушку.

– Погодите, – перебила я Федора Федоровича, опасаясь, что он опять пустится в странненькие философские рассуждения, – но ведь не мог Орлов просто сочинить эту историю.

– А бог его знает, – Агапкин равнодушно пожал плечами, – перебежчик есть перебежчик, и назвать его кристально честным человеком я бы не рискнул.

– Вы его осуждаете?

– Я этого не сказал. Конечно, у него не было выбора, как у многих других. Если бы он вернулся, его бы убили. Но оставшись в свободном мире, попросив политического убежища, он обязан был постоянно подогревать интерес к своей персоне. Ладно, не мне его судить. Выдумать мог кузен Зиновий, а Орлов что-то добавил, приукрасил. Мы никогда не узнаем. Вот, послушай.

Неизвестно, откуда в руках Федора Федоровича возник номер журнала «Лайф» за 1956 год, он стал читать по-английски.

«Уже на следующее утро официальное советское сообщение поведало пораженному миру, что военный суд состоялся и восемь высших чинов – Тухачевский, Якир, Кокор, Уборевич, Путьна, Эйдеман, Фельдман и Примаков – казнены. Позже стало известно, что Штейн, сотрудник НКВД, нашедший сталинское досье в Охранке, застрелился. Косиор был казнен, несмотря на свой высокий пост в Политбюро. Гамарник покончил жизнь самоубийством еще до ликвидации генералов. Балицкий был расстрелян.

Где-то в середине июля 1937 года до меня дошли сведения, что мой двоюродный брат Зиновий Кацнельсон расстрелян. И поныне я ничего не знаю о судьбе его жены и маленькой дочери.

После коллективной казни узкого круга заговорщиков, которые знали о службе Сталина в Охранке, последовали массовые аресты и казни других, кто мог знать что-то о папке или кто был близок к казненным. Каждый военный, который прямо или косвенно был обязан своим постом одному из уничтоженных генералов, становился кандидатом на тот свет. Сотни, а вскоре и тысячи командиров уволокли со службы и из своих домов в подвалы смерти.

Были скошены и свидетели, и режиссеры армейской чистки – люди, которые могли знать тайну досье Сталина. Маршалы и генералы, которые подписали фальсифицированный протокол Военного суда над Тухачевским, исчезли. Исчезли и легионы сотрудников НКВД.

Мой двоюродный брат Зиновий сообщил мне тогда, в 1937 году, в Париже, что было изготовлено несколько фотокопий сталинского досье из Охранки. Тысячу раз после провала планировавшегося Тухачевским переворота я спрашивал себя, что случилось с этими документами. Возможно, что пытками заставили жертв 1937 года указать места хранения одной или более фотокопий. Но некоторые из них, а возможно, сам оригинал документов, должны были быть сохранены.

После того как я порвал со сталинским правительством в 1938 году и бежал со своей семьей из Испании в Канаду и наконец в Соединенные Штаты, я написал Сталину пространное письмо и приложил к нему список преступлений диктатора, которые мне были известны из первых рук. Таким путем я намеревался спасти жизнь моей тещи и матери, которые оставались в России. Я предупредил Сталина, что если они пострадают, я сразу же опубликую то, что знаю о нем. Я также уведомил Сталина, что если я буду убит его палачами, все факты обнародуют после моей смерти. Я чувствовал, что такие предупреждения могут сдержать диктатора.

Но я не известил тирана, что посвящен в самую страшную из его тайн. Иначе, думал я, Сталин придет в ярость и любой ценой доберется до меня, подвергнет пыткам, чтобы узнать, где скрыты мои бумаги, убьет меня.

Однако даже после смерти Сталина я все еще не осмеливался опубликовать то, о чем узнал от двоюродного брата Зиновия. Группа, которая захватила власть в Кремле, казалось

мне, чтילה память Сталина и могла преследовать меня столь же яростно, как это делал бы сам Сталин.

Но вероятность того, что я могу быть ликвидирован или умереть собственной смертью еще до того, как разоблачу Сталина – наемника царской полиции, мучילה мое сознание. Летом 1953 года я положил историю, рассказанную двоюродным братом, в сейф одного из банков с поручением вскрыть пакет после моей смерти.

К счастью, нынешний поворот событий в Советском Союзе сделал возможным для меня самому обнародовать факты. Хрущев, несомненно, знает о них, и уже нет причин хранить молчание».

Агапкин скрутил номер «Лайфа» в трубку, посмотрел в нее, как в подзорную трубу, и вдруг, легко размахнувшись, запустил журнал в открытую балконную дверь. Страницы раскрылись веером, замелькали заголовки, картинки.

– Что вы делаете? Это бесценный экземпляр! – Я выскочила из-за стола, побежала на балкон.

«Лайфа» не было, он исчез, растворился в воздухе.

– Орлов умер своей смертью в Кливленде в 1973 году, в возрасте 77 лет, – спокойно сообщил Федор Федорович. – Версия «Сталин – агент охраны» до сих пор имеет своих приверженцев, хотя безусловно доказано, что письмо Еремина, то, что ты обозначила как документ № 2, подделка, и никаких следов «изящной папки» до сих пор не обнаружено. Ничего нельзя доказать. Свидетелей не осталось.

– А Еремин в каком году скончался?

– Точно не знаю. К пятьдесят шестому ему могло быть лет восемьдесят пять. Февральская революция застала его в Финляндии, он недолго думая сбежал из России, с женой и двумя дочерьми, сбежал очень далеко, в Чили. Дон Левин найти его не сумел.

– Кто же фальсификатор?

– Ты до сих пор не догадалась? – Старик противно захихикал. – О чем мы с тобой болтаем уже которые сутки подряд? Кому могла понадобиться эта дурацкая полемика? У кого имелось несколько секретных лабораторий, где подделывалось все: паспорта, исторические документы, доллары? Ну, что ты опять загрустила? Разве не смешно? Оська Корявый кинул кость, из-за нее началась драка. Но кость оказалась несъедобным муляжем, фальшивкой. Вот так он и дрессировал людей, до сих пор дрессирует.

Действительно, до сих пор дрессирует, в полное свое удовольствие.

Полемика продолжилась в России, в начале девяностых. Сразу несколько историков, в том числе и тот доктор исторических наук, который объясняет трагедию России сифилисом и еврейским дедушкой Ленина, обнаружили в архивах пару-тройку «писем Еремина». Текст идентичен документу № 2. И опять стали спорить, азартно, искренне. И опять не пришли ни к какому разумному выводу, никто никого ни в чем не убедил, ничего не доказал.

– Что касается документа № 1, его можно назвать мечтой. – Агапкин кисло усмехнулся. – Сочинил его один из поклонников версии «Сталин – агент охраны», просто чтобы продемонстрировать, как могло бы выглядеть настоящее письмо Еремина.

– Коба все-таки сотрудничал с охранкой или нет? – в который раз повторила я этот дурацкий, не имеющий ответа вопрос.

Я ждала, что старик опять захихикает. Но он молчал, лицо его застыло. Я ушла на кухню, включила чайник. Я ждала, пока он закипит, слушала гул ночного города за окном и никак не могла отделаться от вечного мучительного вопроса: где кончается выдуманный сюжет и начинается жизнь? Или наоборот – где кончается жизнь и начинается выдуманный сюжет?

* * *

Из моего кабинета вдруг зазвучала музыка, старый джаз, записи Луи Армстронга 30-х. Мне было лень удивляться, каким образом старик с парализованными ногами сумел встать с дивана, подойти к письменному столу и найти в моем компьютере эту композицию. Я достала из посудного шкафа стаканы в старинных серебряных подстаканниках, опустила в них бумажные пакетики с зеленым чаем. Ко мне на кухню приковылял Вася, подошел к своей миске и ударил по ней лапой.

– Что за манера есть в два часа ночи? – проворчала я. – Ты сегодня завтракал, обедал и ужинал. Хватит с тебя, потерпи до завтра.

Вася сильнее ударил по пустой миске, выразительно взглянул на меня, гавкнул, тактично, по-ночному. При всей своей избалованности он все-таки был интеллигентным псом.

– Нельзя столько есть, – сказала я сердито, – в твоём возрасте толстым быть вредно, опасно, понимаешь?

Вася еще раз гавкнул, громче. Он возражал мне, он считал, что есть надо, когда хочется и сколько хочется. Я сдалась, положила ему в миску творогу и несколько печений. Он помахал хвостом, улыбнулся, вылизал миску дочиста за минуту и принялся жадно лакать воду.

Вася в свои шестнадцать собачьих лет, равнявшихся примерно ста десяти человеческим годам, выглядел отлично и не страдал отсутствием аппетита. О недавнем нападении стального чудовища он почти забыл, ранка быстро зажила, только на лестничной площадке, в ожидании лифта, он поджимал хвост, прижимался вплотную к моей ноге, слегка подрагивал. Кобеля бойцовской породы мы больше никогда не видели, он исчез, вместе с охранниками и странными соседями.

Я залила чайные пакетики кипятком, вернулась в кабинет с двумя стаканами. Вася вернулся вместе со мной, сел на коврик у ног Агапкина и положил морду к нему на колени. Старик взял стакан, поблагодарил легким кивком, отхлебнул, сморщился.

– Горячо, пусть остынет немного. – Он осторожно поставил стакан на маленький столик у дивана и погладил Васю своей невесомой сморщенной рукой. – Смотри, твой пес привык ко мне.

Вася улыбался во всю пасть, глухо постукивал хвостом по ковру и, когда старик переставал его поглаживать, требовательно подкидывал носом его ладонь.

Меня слегка зазнобило. Я закурила, сделала музыку погромче и, ни слова не говоря, стала вычитывать написанные страницы. Я не смотрела на старика, но затылком чувствовала его присутствие, слышала стук Васиных лап. Мой пес крутился вокруг своей оси, перед тем как улечься. Глупая собачья привычка, глупая, но древняя. Они так крутятся, чтобы примять траву, хотя никакой травы нет, под лапами паркет и потертый коврик.

– Коба был слишком осторожен и хитер, чтобы пойти на прямое сотрудничество с охранкой, – произнес Агапкин, хлебнул еще чаю, взял печенье и продолжал говорить с набитым ртом, – думаю, он довольно рано расколол Малиновского, стал использовать его, а через него – охранку. Сдавал тех, кого ему было нужно сдать, и одновременно облегчал свою участь при арестах, ссылках, побегах. Решал свои проблемы чужими руками, не подставляясь, не подвергая себя опасности. Он так всегда поступал. Охранке он был, безусловно, полезен как перспективный источник информации и потому имел привилегии.

– То есть вы считаете, он мог перехитрить таких волков, как Белецкий и Еремин? – спросила я и взглянула наконец на старика.

Старик допил чай, вытер губы платком. Вася спокойно спал на коврике у его ног. Из моего ноутбука звучал саксофон, и на фоне музыки все выглядело вполне реально, как жизнь, а не как придуманный сюжет.

– Коба мог перехитрить кого угодно, – усмехнулся Агапкин, – охранку ему удавалось водить за нос до лета 1913-го, наконец им надоело, его отправили подальше, он четыре года смиренно отсидел в своей последней ссылке. Но даже там у него остались кое-какие привилегии. А потом, через много лет, уже после смерти, ему удалось одурачить, выставить на посмешище первого своего биографа Дон Левина и многих других, вступивших в эту дискуссию.

– Обидно, что Дон Левин, неглупый, честный человек, угодил в такую дурацкую ловушку. В общем, я его понимаю, так же как и беднягу Сиссона.

– Магия документа, бумажки. – Агапкин тяжело вздохнул. – Коба знал в этом толк. Ты как-то спросила меня, зачем столько усилий тратилось на выбивание признаний.

Да, это действительно не давало мне покоя. Целая армия специалистов трудилась неустанно, чтобы очередной невинный признал себя шпионом, вражеским диверсантом, членом тайной антисоветской организации, готовящей взрыв Кремля, убийство товарища Сталина. Обвинения и признания выглядели абсурдно, и ради чего тратилось столько сил на аккуратную фиксацию этого абсурда в документах? Что, не могли так расстрелять? Или подписи подделать?

– А вот не могли, – медленно промурлыкал Федор Федорович, – бумажка необходима, понимаешь? Документ! Оська Корявый создавал свою историческую реальность, бумажную, с бланками, подписями, печатями, все как положено. Нужные ему документы становились подлинными, ненужные – поддельными. Внутри этой бумажной реальности ему фантастически везло, он, ничто, уголовник Оська Корявый, становился всем, великим вождем товарищем Сталиным. То, что работало на пользу этой реальности, было хорошо. То, что могло ей навредить, было плохо и при возможности уничтожалось любыми средствами. Помнишь замечательную алхимическую формулу? *«Если вам кажется, что вы что-то поняли, что текст и сюжет вам ясен, вы заблуждаетесь, вы имеете дело с ложью и надувательством. Только когда вы совсем перестанете что-либо понимать, вы приблизитесь к настоящей тайне и подлинному пониманию».*

Формулу Евгения Филалета я постоянно держала в голове, пока читала все, что сумела отыскать о ранних годах жизни Кобы.

Это было мучительное занятие. Я так и не нашла вразумительных ответов на самые простые, конкретные вопросы. Например, зачем Коба изменил дату своего рождения, сделав себя младше на год и три дня? Он родился 6 декабря 1878 года. Еще в анкете 1920-го он собственноручно записал: 1878. Но уже в 1922-м его секретарь Товстуха, заполняя анкету за него, ставит дату: 1879, и новое число – 21 декабря (9 декабря по старому стилю). Товстуха вряд ли мог так странно ошибиться, но если все-таки ошибся, почему ошибка не была исправлена?

21 декабря – день зимнего солнцестояния. Может, выбор даты несет в себе некий сакральный магический смысл? Об этом всерьез рассуждают некоторые современные историки. Или это очередная атака в непримиримой войне с реальностью? Чем больше лжи, тем лучше. Ложь иррациональная, не имеющая объяснений, действует весьма эффективно. Тайна в том, что нет никакой тайны. За ледяным туманом прячется ледяная пустота.

Бытует мнение, что Сталин искренне верил в астрологию. Астрологи считают, что по дате рождения можно не только многое узнать о человеке, но и влиять на него при помощи магии, и это будто бы объясняет странный поступок, смену даты. Но в любом случае, скрыть настоящую дату от желающих узнать и влиять вряд ли возможно. И вместо ответа возникает следующий вопрос: Сталин верил в астрологию или нет?

Астрологов, магов, спиритов в России до и после ВОСР было невероятно много. До ВОСР их никто не трогал, после стали отлавливать и сажать. В 1929 году, который как раз считается годом окончательного воцарения Сталина, вождь разрешил собрать съезд российских специалистов в области астрологии. Съезд собрался, его в полном составе погрузили в эшелон.

Больше никто никогда участников съезда, «специалистов в области астрологии», не видел.

Этот факт не дает ответа на вопрос, верил Сталин в астрологию или нет, но он еще раз подтверждает дьявольское лукавство и особенный, убийственный юмор Оськи Корявого. Таким образом удалось отделить зерна от плевел, настоящих прозорливцев и предсказателей от мошенников и сумасшедших. Настоящие астрологи, способные предвидеть будущее (если таковые существуют) просто остались дома и ни на какой съезд не поехали.

В эмигрантских кругах, с подачи Троцкого, принято было считать, что официальная советская историография замалчивала ранний период жизни Кобы с 1901 по 1913 год, чтобы скрыть незначительность, мизерность его роли в революционной борьбе. На самом деле Коба на многих производил впечатление серого ничтожества. Он скрывал знание иностранных языков, скрывал, что отлично образован и много читает. Всю жизнь только и делал, что придавал лицу подобающее выражение. Это прием хищников – притвориться слабым, даже мертвым, чтобы жертва потеряла бдительность и приблизилась.

Никому этот мрачный неопрятный тип не нравился, он резко выделялся на общем большевистском фоне. Это потом в нем обнаружился необъяснимый магнетизм, особенное, неодолимое обаяние, внутренняя мощь, гипнотизирующий взгляд. А тогда знавшие его использовали эпитеты «жалкий, маленький, мрачный, скользкий, хамоватый, непромытый». Брезгливому осторожному Ленину он тоже не мог нравиться. Почему же Ленин так старательно выдвигал Кобу?

Предлагается несколько вариантов понятных и логичных ответов.

Коба руководил «эксами», добывал деньги, за это Ленин его ценил.

Коба смотрел в рот Ленину, льстил ему, подражал во всем, а Владимир Ильич на лесть был падок.

Но первый вариант таит в себе странное противоречие. Кто кого содержал? Коба партию или партия Кобу? Возможно, работала такая схема: Коба добывал деньги, отдавал Ленину все до копейки, а Ленин оплачивал поездки и побегу Кобы. Однако сегодня достоверно известно, что «эксы» оказались не таким уж прибыльным делом, к тому же быстро закончились; к тому же главным героем-грабителем был все-таки не Коба, а Камо; к тому же основные партийные средства текли из иных источников. Добытчиками были инженер Леонид Красин, актриса Мария Андреева, писатель Максим Горький, потом немцы начали давать. В любом случае, после 1913-го Коба стал вовсе неплатежеспособен, разве что мог прислать пойманного на рыбалке осетра или подстреленного на охоте зайца, да и то вряд ли. Слишком далеко, все бы стухло по дороге.

В июле 1915-го Ленин спрашивал в письме к Зиновьеву: *«Вы помните фамилию Кобы?»* Примерно тогда же писал большевику В. А. Карпинскому в Женеву: *«Сделайте мне большое одолжение, узнайте у Степка, или Михи, или кого-нибудь фамилию Кобы. Иосиф Джу...? Мы забыли».*

Если бы тогда, в 1915-м, прозорливец Владимир Ильич мог заглянуть в близкое будущее и увидеть, кем станет этот «Иосиф Джу...»!

* * *

– Передохни, – сказал Агапкин и похлопал по синей обивке дивана, приглашая сестру рядом.

Я опустилась на диван. От Федора Федоровича приятно пахло мылом, утюгом, чебрецом и ромашкой. От Васи, крепко уснувшего на коврике, пахло теплой шерстью, тополиными поч-

ками, молоком и печеньем. Это были запахи чистенькой, уютной, доброжелательной старости, человеческой и собачьей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.